

Михаил БАРУ

«НЕ ИМЕЮЩИЙ ИЗВЕСТНОСТИ»

Окончание. Начало см. Волга. 2023. №№ 3-4, 5-6

Февральская революция вывела город на улицы. Порховичи, украсив себя красными бантами, собрались на Соборной площади. Поздравляли друг друга, обнимались, ликовали, потом построились в колонну и ходили по улицам, распевая «Марсельезу». Ходили, пели и митинговали несколько дней, а потом, отрекшись от старого мира, стали отряхивать его прах со своих ног – разоружили городских, полицейских чинов и открыли ворота тюрьмы. Этим дело не ограничилось – стали громить военные склады. Революционно настроенные горожане просто открыли склад с винтовками и просто раздали оружие и патроны тем, кто выстроился в очередь перед складом. Никаких документов предъявлять было не нужно. Следили только затем, чтобы оружие не доставалось детям. Впрочем, как писал в своих воспоминаниях очевидец тех событий Борис Богданов: «Моему брату Леониду было четырнадцать лет, но рост он имел высокий и он тоже получил оружие». Оружия и вообще в городе было много. Северный фронт к тому времени стал распадаться, и войска шли и шли в тыл по шоссе из Пскова в Порхов, где делали привал, чтобы из рот, батальонов и полков превратиться в вооруженные группы идущих по домам ... нужное слово подставьте сами. В Порхове отпрягали лошадей от орудий и бросали их тут же. С собой брали только винтовки и пулеметы. Часть солдат устроила митинг под лозунгом «капиталисты начали войну, пускай они ее и оканчивают».

От грабежа оружейных складов горожане перешли к вещевым и продовольственным. Весть об этом мгновенно распространилась по уезду, и крестьяне начали стекаться в город, желая принять участие в грабеже, но... поскольку горожане были вооружены, то крестьянам пришлось уехать несолоно хлебавши. Власти, опасаясь, что революционно настроенные граждане начнут грабить завод, поставлявший военным водку и спирт, ночью все водочно-спиртовые запасы спустили в Шелонь, но так неудачно, что они оказались на поверхности льда и пропитали лежавший на нем снег. Тут лучше предоставить слово очевидцу событий – Борису Богданову: «На запах водки и спирта быстро сбежались люди. Что тут происходило! С ведрами на коромыслах, с бочонками на салазках, с бочками на конных санях люди черпали наспиритованную снежную жижу, наполняли снежные ёмкости, поспешно отвозили домой добытое и возвращались сюда опять. Так происходило два дня и могло продолжаться и дальше. Не скоро можно было вычерпать весь наспиритованный снег на большой акватории реки. Уездные и городские власти вызвали сапёров, которые заложили тротиловые шашки и взорвали злополучный лёд».

Крестьяне отвели душу, разоряя имения порховских помещиков. Двадцать шестого апреля семнадцатого года состоялся съезд представителей волостных земельных комитетов. Съезд постановил, что пахотная помещичья земля отныне принадлежит крестьянам и каждый землевладелец крестьянин может взять столько земли, сколько сможет обработать собственными силами, все земельные сделки отменяются, весь сельскохозяйственный инвентарь и скот переходят в руки новых хозяев. Большевики, входившие в Порховский земельный комитет, призывали крестьян немедленно экспроприировать экспроприаторов. Крестьяне не заставили себя уговаривать.

В селе Вольшово вернувшиеся с фронта солдаты и вовсе организовали специальный комитет по разделу имущества графа Строганова. Помещики обратились за помощью к властям. Губернский комиссар Временного правительства приказал уездному комиссару решение съезда волостных представителей считать незаконным. Между тем крестьяне, не обращая внимания ни на губернского, ни на уездного комиссаров, захватывали помещичьи земли, распахивали их, руби-

ли помещичьи леса, косили помещичью траву и растаскивали помещичий хлеб. В километре от восточной окраины Порхова начинался лес имения Дондуковых-Корсаковых – Полоное. Туда приезжали все желающие и рубили все, что приглянется. Только дров запасли на три года вперед, не говоря о лесе для строительства.

В конце мая землевладельцы Порховского уезда подали прошение командующему Северным фронтом генералу Драгомирову, в котором писали: «В последнее время аграрные беспорядки почти повсеместно приняли угрожающие размеры, покосы и клеверные поля крестьянами захвачены и поделены, местами приступают к захвату и разделу ржи...». Землевладельцы просили прислать солдат для наведения порядка. Драгомирова на посту командующего фронтом сменил в начале июня генерал Клембовский, а Клембовского через два месяца генерал Бонч-Бруевич, а Бонч-Бруевича через месяц генерал Черемисов... Какая уж тут помощь... С тем же успехом помещица Спиридонова жаловалась министру внутренних дел на то, что в ее имении «Марьино Дубрава» Дновской волости крестьяне мешают сенокосу и отбирают косы и сено.

Летом семнадцатого года беднейшее крестьянство, подстрекаемое большевиками, начало выступать против зажиточных крестьян. Тут бы крестьянам и задуматься, но думать было некогда – нужно было рубить чужие леса, косить чужую траву и растаскивать чужой хлеб. Кто же мог подумать, что уже через год большевики этот самый хлеб начнут отбирать у крестьян. Кто же мог подумать, что это пролог Гражданской войны, которая начнется уже через год.

Пока же прокурор Псковского окружного суда сообщал: «Из массы поступивших ко мне жалоб было их очень много на действия Порховского уездного продовольственного комитета и Порховского земельного комитета, которые, по заявлению потерпевших и по сообщениям Порховской уездной милиции, совершенно не считаются с постановлениями Временного правительства по аграрной реформе и внушают крестьянам уезда мысль о необходимости немедленного отобрания от собственников земли, урожая, зерна и травы. Собственники, пытавшиеся отстоять свои права, арестованы».

В самом Порхове все бурлило. С одной стороны эсеры, создавшие военно-гражданский комитет безопасности, с другой стороны большевики с уездным земельным комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов, с третьей стороны социал-демократическая группа, в которой были представлены и большевики, и меньшевики, с четвертой стороны местные власти, поддерживавшие Временное правительство. В августе власти арестовали пятерых большевиков, а командование расквартированных в Порхове частей посадило на гауптвахту группу революционно настроенных солдат. Немедленно в городском саду был собран митинг, после которого солдаты всех, кто находился на гауптвахте, освободили, а заодно и большевиков, сидевших в городской тюрьме. Командующий Северным фронтом, до которого дошли известия об этих событиях, приказал начальнику Порховского гарнизона навести порядок в городе. Куда там... Губернский комиссар Временного правительства докладывал генералу Клембовскому, который в тот момент командовал Северным фронтом: «Начальник гарнизона бессилён, так как в его распоряжении только учебная команда, на которую можно положиться и то не вполне. Необходимо командировать туда на несколько дней казаков. Нужны срочные меры, так как развивающиеся беспорядки будет трудно ликвидировать...».

Двадцать шестого октября, на следующий день после переворота в Петрограде, вооружённые рабочие и солдаты захватили почту, телеграф, железнодорожную станцию, земскую управу, выставили охрану на мостах через Шелонь и посты на дорогах, ведущих в город. В который раз открыли местную тюрьму и выпустили всех заключённых. Создали военно-революционный комитет и тридцатого октября провели митинг запасных полков порховского гарнизона, собравший девять тысяч человек. На митинге приняли резолюцию, в которой обещались «Всецело поддерживать и подчиняться Военно-революционному комитету... Немедленно принять меры к недопущению дальнейшего направления эшелонов войск Керенского на Петроград... На силу Керенского ответить силой организованного пролетариата». В уезде тоже митинговали. В Дновской волости, в деревне Морино, второго ноября семнадцатого года крестьяне на общем съезде

приняли резолюцию, начинавшуюся словами «Приветствуем Народных комиссаров, которые опубликовывают тайные договоры, совершенные Николаем Кровавым, и приветствуем прямое и открытое предложение перемирия на всех фронтах...».

В декабре новая власть начала национализировать предприятия и торговые заведения. Открыли пять государственных магазинов – посудный, скобяной, обувной, галантерейный и мануфактурный. В том же декабре исполком порховского Совета стал подселять в дома состоятельных горожан семьи рабочих. Только за один месяц было выдано сто тридцать три ордера на новые квартиры, в которые переехали более четырехсот человек.

Между тем на город и уезд надвигался голод. Уже в январе восемнадцатого года съели не только все запасы хлеба, но даже и те семена, которые предназначались для ярового посева. В мае ввели продовольственную диктатуру. Летом запретили въезд беженцам в Порхов. Началась продразверстка, появились продотряды и комбеды, которые у крестьян стали реквизировать хлеб и мясо для нужд Красной Армии, а тех, у кого они обнаруживали, с их точки зрения, излишки, облагали чрезвычайным налогом. Комбеды, наделенные самыми широкими полномочиями, стали грабить всех зажиточных крестьян, не исключая при этом и середняков. Многие из тех, кто еще вчера упоенно экспроприировал экспроприаторов, воскликнули: «А нас-то за что?!», но было уже поздно. В дополнение к продразверстке и бесчинствам комбедов началась мобилизация мужчин от восемнадцати до сорока лет в Красную Армию и регистрация бывших офицеров царской армии. Было от чего вспыхнуть крестьянскому восстанию, и не одному. Они и запольхали.

Двадцать восьмого июля восемнадцатого года в Ручьевской волости Порховского уезда начался крестьянский мятеж. Спичкой, от которой все загорелось, стала регистрация мужчин призывного возраста. Крестьяне, справедливо полагая, что сегодня регистрируют, а завтра будут брать, ворвались в здание комиссариата деревни Воробьево и стали требовать объяснений – для чего идет регистрация. Тут они увидели на столе среди других бумаг бланки для регистрации лошадей. Этого оказалось достаточно, чтобы решить – будут еще и скотину отбирать. Закончилось все арестом военного комиссара, делопроизводителя и сторожа и уничтожением всей документации. Военного комиссара крестьяне решили судить, хотели расстрелять, повесить или «по уши в землю закопать». Посланный для наведения порядка в деревню Порховским уездным комиссариатом отряд из двадцати пяти красноармейцев с оружием крестьяне вынудили отступить, в брошенную пушку зарядили снаряд и... добровольно сдали ее более многочисленному отряду красноармейцев, посланному вслед за первым.

Опыт восстания даром не прошел. Следом за Ручьевской волостью восстала соседняя Горская, в которой крестьяне разгромили и комиссариат, и состоявший при нем маленький военный отряд. У этого восстания уже был руководитель – офицер царской армии Василий Колиберский. За два дня на сторону восставших перешло еще несколько волостей Порховского уезда. В восемнадцатом году из двадцати трех волостей уезда крестьянскими волнениями было охвачено семнадцать. В одной из листовок к восставшим крестьянам организаторы выступлений писали: «Граждане, крестьяне 3-х волостей Порховского уезда: Ручьевской, Тишинской и Горской. Восставшие против большевистской власти разбили в Порхове красноармейцев, обезоружили их и будут продолжать начатую борьбу. Пожелаем им полного успеха и пойдем за ними и с ними. Почему? Что они крестьяне поднялись против изменников и предателей родины, против злейших врагов русского народа, большевиков. Царь большевиков Ленин и Троцкий решили загубить Россию и заморить русский народ голодом. Ленин – германский провокатор, Троцкий – жид, а русские хулиганы красноармейцы помогают им в этом. От вас отнимают хлеб, а красная армия перегонит его на спирт, перепродает его жидам, а те – немцам... Не хотите с голоду умирать, уничтожьте Советскую власть и ее слуг красноармейцев, поднимитесь все, пора».

Что касается разбитых в Порхове красноармейцев, то авторы обращения выдавали желаемое за действительное. Тридцать первого июля Порхов был объявлен властями на осадном положении, и вся власть в городе и уезде перешла к Военно-революционному комитету. В город прибыл эшелон красноармейцев с пулеметами, которых усилили четырьмя десятками кавалеристов.

В результате боев в лесу возле Никандровой пустыни погибло с обеих сторон около восьмисот человек. Наиболее активных участников и организаторов крестьянских восстаний власти расстреляли.

Летом восемнадцатого года в Порхов для укрепления партийной дисциплины прислали нового председателя уездного исполкома и секретаря комитета РКП (б) Ирину Крашинскую. С партийной и вообще с любой дисциплиной у порховских властей дело обстояло из рук вон плохо. Ответственные работники пьянствовали и недобросовестно исполняли служебные обязанности. Трудно сказать – укрепила Крашинская партийную дисциплину или нет, но в середине декабря того же года Порховская уездная партконференция вынесла резолюцию о предании ее партийному суду за диктаторство, превышение полномочий и узурпацию власти в уезде.

Параллельно с укреплением партийной дисциплины, внутрипартийными разборками, партконференциями и резолюциями, власти не забывали арестовывать и расстреливать дворян, священников, бывших офицеров, городских... За отказ служить в Красной армии расстреляны поручик Иванов, прапорщик Милоданов и подпрапорщик Тидген. Расстреляны настоятель церкви Богоявления Господня в селе Подоклинье Порховского уезда Александр Гривский, священник Свято-Троицкого Порховского собора Пантелеймон Богоявленский, дворянка Гарновская, бывший жандарм, а теперь слесарь станции Дно Козловский...

И еще о трех событиях, произошедших в Порхове и уезде в восемнадцатом году. Первое – это выход уездной газеты «Жизнь Порховщины». Выходила газета три раза в неделю и была напичкана угрозами, проклятиями в адрес врагов революции и лозунгами по самым заголовки. Второе – к концу года в уезде властями в принудительном порядке были организованы две крестьянских коммуны на базе разоренных дворянских имений и артель. Третье – из разгромленного имения Полоное власти вывезли в Порхов то, что осталось после крестьянских грабежей. Занимался этим Кирилл Николаевич Качалов, которого в январе девятнадцатого года назначают заведующим вновь созданного подотдела по охране памятников искусства и старины Порховского уездного отдела народного образования. В том же январе Порховский отдел народного образования решает вопрос о национализации имения «Холомки» и открытия в нем Народного Дома, которому присваивают имя В.И. Ленина, о вывозе всего, что имеет художественное значение из имения Строгановых «Вольшово», о национализации части помещений в имении «Горки» для устройства там Народного Театра, о вывозе библиотеки, картин, старинной мебели из имения «Бельское устье». Все это начинает вывозиться в Порхов с целью организации музея. В конце апреля девятнадцатого года в Порхове в течение трех дней работает выставка, на которой можно видеть вещи, вывезенные из дворянских имений Порховского уезда. Среди экспонатов выставки значились мейсенский, севрский, берлинский, венский, английский, голландский, японский, китайский, русский фарфоры, акварели, миниатюры и литографии русских художников, английская гравюра, французский гобелен семнадцатого века... Часть экспонатов отвезли в Псков для показа. В конце сентября порховичи поехали искать следы этих экспонатов, но какие, спрашивается, следы, если Псков с конца мая по конец августа оккупировали банды полковника Булак-Балаховича. Раз уж зашла речь о сентябре восемнадцатого года, то скажем, что шестнадцатого числа на заседании Военно-революционного комитета было решено снять с постаментов бюст Василия Григорьевича Жукова, установленный благодарными порховичами еще в девятьсот четвертом году, а вместо него установить бюст Карла Маркса возле железнодорожного моста. Памятник открыть ко второй годовщине Октябрьской революции. Ответственным назначили Качалова. Установил он памятник или нет – неизвестно⁴², но в ноябре при самом деятельном его участии в доме бывшего городского головы Зацкого был открыт музей, называвшийся «Пролетарский музей им. Октябрьской революции». Работал он по выходным дням с часу до трех.

От тех богатств мало что осталось в нынешнем краеведческом музее Порхова – чугунная парковая ваза с отбитым краем и немного фарфора из Холомков, несколько бронзовых и мраморных статуэток, чернильный прибор, буфет, пара кофейников, штук шесть или семь подстаканников, подставка для сжигания бумаг, зеркало в резной раме, десяток гипсовых элементов декора уса-

дебных домов, но ни английского, ни немецкого, ни французского фарфоров, ни акварелей, ни гравюр, ни литографий, ни gobелена семнадцатого века...

Вернемся в уезд. В феврале девятнадцатого года началось вооруженное выступление крестьян в деревне Люблено Дегожской волости. К крестьянам присоединились вооруженные дезертиры. Крестьяне, как телеграфировал в уезд председатель Дегожского волисполкома, говорили советским работникам: «Вы нам не нужны, записались в коммунисты, так и идите к ним, а вам мы служить все равно не станем». Подавлять восстание прислали полусотню красноармейцев с пулеметами.

В начале мая еще одно выступление в Городовицкой волости. Вооруженные крестьяне разогнали волостной Совет и продовольственную комиссию. В конце мая восстание крестьян в Верхне-Шелонской области. Крестьяне отбили посланный властями отряд эстонцев и коммунистов, заняли железнодорожную станцию Дедовичи, расстреляли там одиннадцать красноармейцев и... тоже попытались организовать мобилизацию местного населения, которое норвило уклониться от любой мобилизации. Летом девятнадцатого года две третьих волостей уезда были охвачены восстаниями. Общая численность повстанцев составляла несколько тысяч человек. В деревне Яски Верхне-Шелонской волости они устроили что-то вроде своей столицы – избрали свое правительство, волостного председателя, писаря, а в помещение бывшего волисполкома внесли иконы и портрет Николая Второго.

Десятого июля уезд был объявлен на осадном положении. Линия фронта к началу августа проходила на расстоянии около десяти километров от Порхова. Канцелярия уездного исполкома и большая часть партийных работников были эвакуированы в Старую Руссу. Все порховичи должны были иметь удостоверения личности и зарегистрировать имеющееся у них оружие. Запрещались собрания и увеселительные вечера. Дезертиры объявлялись врагами и предателями трудящегося народа. В приказе комиссии по проведению в жизнь осадного положения в Порховском уезде говорилось: «...Лица, замеченные в контрреволюционной агитации, распространении провокационных слухов, клевете, подрыве действиями или словами Советской власти, равно появляющиеся на улицах в нетрезвом виде, уличенные в драке, азартной игре, хулиганстве, спекулянты всех степеней – вообще все, нарушающие общественный порядок, подлежат немедленному аресту и революционной каре в зависимости от проступка... Малейшая попытка выступления врагов Советской власти будет раздавлена беспощадно. Советская власть не шутит, когда враги народа пытаются восстановить старый режим. Пуля врагам революции! Беспощадная борьба со всеми, кто в эти дни пытается расстроить наши ряды!» Подписали приказ председатель Порховского уездного комитета РКП(б) Молчан, председатель исполкома Бурман и военный комиссар уезда Шапурин. Начались чистки в советских учреждениях. Заподозренных в связях с белыми отправляли в губернский концлагерь.

Порховские власти просили Псков прислать солдат, поскольку в их распоряжении имелась только рота, которая не в состоянии одновременно изымать хлеб у крестьян и ловить дезертиров, а дезертирами город и уезд были буквально наводнены. Из трехсот человек, мобилизованных на борьбу с частями Булак-Балаховича, вернулось в Порхов только семьдесят. Остальные перешли на сторону белых. До половины мобилизованных дезертировали еще по пути к месту боевых действий. В Порхове постоянно устраивали облавы на дезертиров. Только в августе девятнадцатого года наметился спад дезертирства среди крестьян, а когда в конце года отменили расстрел за дезертирство, заменив его на конфискацию имущества, оно пошло на убыль. На убыль пошло в уезде и крестьянское повстанческое движение. «Зеленая армия», как ее именовали в документах тех лет, к концу девятнадцатого года была разгромлена частями Красной армии. Лишь небольшие группы «зеленых» смогли соединиться с белыми.

Тем не менее Гражданская война в уезде не затихала еще два года. На протяжении всего двадцать первого года на территории Порховского уезда действовали направленные из Польши диверсионные группы Савинкова, грабившие волостные исполкомы, убивавшие советских работников, агитировавшие крестьян против продналога и распространявшие слухи о скором на-

падении со стороны Польши и Прибалтики. Население, уставшее от Гражданской войны, в эти банды вступало неохотно. Чаще всего к савинковцам шли бывшие дезертиры, участники разгромленного в девятнадцатом году «зеленого» движения и беднота, надеявшаяся в банде быстро поправить свое материальное положение. Как бы там ни было, а к концу двадцать первого года местные чекисты савинковские группы обнаружили и ликвидировали. Наиболее активных участников расстреляли, а остальных отправили в тюрьмы.

Все же, несмотря на Гражданскую войну, армию зеленых, диверсионные группы, осадное положение, продрозверстку и голод, появились в городе и уезде ростки мирной жизни. В январе двадцатого года сотрудниками подотдела по охране памятников искусства и старины Порховского уездного отдела народного образования был разработан проект музея. Время безыдейных музеев, не выполняющих никаких задач по повышению, укреплению, воспитанию, приобщению... безвозвратно ушло, и потому порховский музей, как и все советские учреждения культуры, непременно должен был «возможно полно отражать жизнь уезда в разнообразнейших ее проявлениях и способствовать всестороннему изучению его; с другой стороны, музей должен по мере возможности приобщать местное население к мировой культуре и расширять его кругозор». Планы были большие – планировали разбить на территории крепости ботанический сад, собрать геологические, этнографические и исторические коллекции. В исторических коллекциях, понятное дело, главное место должно было занимать то, что связано с революционными событиями. Музей стал историко-художественным. В конце весны директора музея и еще одного сотрудника власти отправили в Псков, на проходящую там выставку современных художников. Не просто отправили, а выдали им сто тысяч рублей на покупку картин. Были приобретены картины Марка Шагала, Бориса Григорьева и Бениты Эссен. Куда они потом подевались... Не сотрудники, конечно, а картины.

В том же году в бывшем имении князя Гагарина была организована художественная коммуна или колония. Ружье, заряженное восемь лет назад князем Гагариным, выстрелило. В начале ноября газета «Псковский набат» писала об этом событии: «В имении Холомки, бывшем князя Гагарина, организована колония художников петроградского дома искусств, образовался культурный уголок. Члены колонии приняли деятельное участие, чтобы в Порхове заложить основы музея имени Октябрьской революции. В годовщину Октябрьской революции в Порхове открывается выставка картин членов колонии художников в Холомках и петроградского дома искусств. Будут представлены А. Бенуа, Б. Кустодиев и др.». Колония организовалась вовсе не потому, что этого хотели порховские власти. Это была идея Петроградского дома искусств, члены правления которого, пытаясь спасти от голода писателей, поэтов и художников, добились от государства рабочих и крестьян разрешения организовать колонию в Холомках и соседнем, в двух километрах от Холомков, имении Новосильцевых Бельское Устье. Собственно, членов правления, которым голодающие писатели, поэты и художники были обязаны появлением колонии, было двое – Корней Иванович Чуковский и Мстислав Валерианович Добужинский. Колония, кстати, ожила не в ноябре двадцатого, а лишь в мае двадцать первого года. В июне Чуковский перевез в Холомки свою семью. В письме одному из членов правления Дома искусств он писал: «...здесь такая благодать, что лучшего и представить нельзя. Мне хочется всех петербуржцев переселить сюда. Сейчас еще рожь не поспела, и крестьяне жмутся, но через неделю уборка хлеба – и тогда ешь, сколько хочешь. Сытость неминуемая. Сейчас я за брюки добыл: 2 пуда муки и 15 фунтов хлеба, а через две недели дадут шесть пудов муки»⁴³. Не нужно думать, что литераторы и художники в Холомках и Бельском Устье только отдыхали, отъедались, писали прозу, стихи и картины. Приходилось им и пахать, и сеять, и выращивать овощи, охранять урожай яблок от местных крестьян, считавших его своим, добывать лошадей, упряжь к ним, телеги, сельхозинвентарь и ссориться между собой. Усилиями Чуковского колонисты были обеспечены продовольственными пайками, но пайки просто так не давали – отдел народного образования Порховского уездного исполкома требовал в уплату за питание чтения лекций. Один из колонистов, художник Милашевский, вспоминал: «Материальный быт наш несся в “неуверенном, зыб-

ком полете". Каждую минуту он мог на что-то налететь и разбиться, порховские власти могли заупрямиться и во всем отказать! Надо было их умастить, читать лекции о Горьком, о Блоке, о Маяковском, как это делал Корней Иванович Чуковский!» В неполном списке литераторов и художников, которых спасли от голода Холмки и Бельское Устье, кроме Чуковского, Добужинского, оставившего рисунки усадьбы Гагариных, ее интерьеров, окрестных пейзажей, и Ходасевича, написавшего довольно ядовитые воспоминания о поездке в Порхов, числятся Михаил Зошенко, Николай Радлов, Владимир Пяст, Михаил Лозинский, Ада Оношкович-Яцына, Осип Мандельштам, Лев Лунц и Евгений Замятин.

Сам Порхов колонистами описан и нарисован очень скупо – три рисунка Добужинского с видами Порхова, три предложения в одном из писем Чуковского («Очень забавны плакаты в городе Порхове. – В одном окошке выставлено что-то о сверхчеловеке и подписано: "Так говорил Заратустра". Заратустра в Порхове!») и уже упоминавшийся очерк Ходасевича о поездке в город, в котором описан не столько город, сколько его обитатели. Впрочем, у него и о Порхове есть совсем немного: «Город оказался довольно приятен. Разноцветные крыши и обилие садилов придавали ему вид почти нарядный. Я колесил по нему долго, ибо никто мне не мог указать, где находится отдел народного образования. Население явно не знало даже о том, что он вообще существует... О порховском базаре я был наслышан самым лестным для него образом; рассказывали, что на нем не только продают молоко, масло и хлеб, но пекут лепешки и даже жарят котлеты – свиные и бараньи». Сделанное Владиславом Фелициановичем подробное описание заседания коллегии отдела народного образования Порховского уездного исполкома, посвященного принципам театральной реформы, в составе крепко нарумяненной дебелой председательши в белой шелковой блузке с большим вырезом и массивной золотой цепочкой, сбегавшей в глубокую складку между грудями, коммунистов, один из которых был покрыт всклокоченной черной шерстью, а другой перевязал бабьим платком щеку, раздутую от флюса, беспартийного спеца, по профессии театрального парикмахера, каши в головах ораторов и помещения с немывтыми стеклами, дохлыми мухами на почерневшей вате между оконными рамами и грязными розовыми обоями, мы, за неимением места, здесь приводить не будем.

Между тем культурная жизнь в Порхове начала двадцатых годов была ключом. В город приезжало большое количество самых различных артистов из обеих столиц, и приезжали они по той же самой причине, по которой в Холмках и Бельском Устье обосновались писатели и художники, с той лишь разницей, что пайки им от местного отдела народного образования не полагались, и потому приходилось давать концерты, чтобы заработать себе на пропитание. В двадцать втором году сам Шаляпин дал два концерта в Порхове. В Порхове в начале двадцатых годов давал спектакли любительский театр, в клубе пожарного депо шли киносеансы, сопровождаемые тапером, в городском саду играл духовой оркестр, в доме бывшего городского головы Зацкого работала городская библиотека, при которой имелся читальный зал, обставленный красивой дубовой мебелью из тоже бывшего имения Вольшово графов Строгановых. Для полноты картины прибавим сюда лекции о литературе и живописи, которые чаще всего читали в Порхове Чуковский, Добужинский и один раз Ходасевич.

От событий культурной жизни перейдем к событиям жизни общественной, теперь уже советской, но прежде скажем о сильном наводнении, которое случилось в апреле двадцать второго года. Галина Васильевна Проскурякова, жившая тогда в Порхове, писала в своих воспоминаниях: «Шелонь вышла из берегов и затопила не только набережные, но и большинство улиц города. Страшно было смотреть на дома и церкви, встающие из воды и отражающиеся в ней куполами. Но самое страшное было видеть, как плыли дома и сараи по Шелони, как снесло часовню с моста. Водой размывало фундаменты, и дома рушились». Теперь о жизни общественной, к какой мы отнесем организацию городского партийного клуба, разъясняющего решения десятого съезда партии, десятки агитпунктов, комсомольский клуб, бесконечные митинги, тысячи номеров стенных газет, сотни воззваний, расклеенных на стенах домов, коммунистические субботники, заготовка тысяч бревен и тысяч пудов ивовой коры, двадцать шесть пунктов ликвидации негра-

мотности в уезде, мартовскую уездно-городскую женскую конференцию, постановившую создать на всех предприятиях женотделы, которые должны были проявлять заботу... налаживать работу...

Общественная жизнь, однако, не ограничивалась митингами, прокламациями и стенными газетами. В городе и уезде в двадцать первом году открыли четыре детских дома для беспризорников, в которых нашли приют сто восемьдесят детей. Каждому детскому дому уездный исполком выделил участки под огороды, дал по четыре коровы. Рабочие Порхова в каждом детском доме помогли создать мастерские, где детей обучали столярному, сапожному, слесарному и кузнечному делу. В девяти километрах южнее Порхова, в усадьбе Жирное был открыт детдом для детей, прибывших из голодающего Поволжья⁴⁴. Порховичи, кстати говоря, в Поволжье отправили более трехсот тысяч пудов хлеба и четыре миллиона рублей.

В промежутке между культурной жизнью и общественной поместим заметку под названием «Псковские комсомольцы, ответьте», напечатанную в газете «Юный пахарь» в декабре двадцать четвертого года: «Комсомольцы – это деревенские борцы за новый быт, за новую жизнь. Мы используем гулянки, внося туда свое комсомольское влияние. Но иногда наши выступления на гулянках и устройство своих красных посиделок проходят не совсем гладко. Нам нужен опыт этой работы. Комсомольцы Вышгородской волости Порховского уезда просят деревенские ячейки Псковского уезда поделиться в “Юном пахаре” своим опытом проведения красных гулянок».

В этом же промежутке найдем и донное сообщение⁴⁵ из газеты «Псковский набат» от тринадцатого июня двадцать третьего года о том, что заведующий мельницей Комхоза в Порхове «торгует свечами, а на мельнице все идет прахом. При вторичном подъеме воды в реке Шелони... затворы в холостых воротах не вытаскивались, а стояли до тех пор, пока вода сильным напором не открыла этих ворот, и при том с такой быстротой, что некоторые разлетелись в щепы... Наверное, заведующий мельницей проспал. Но удивительно: он никогда не проспит пойти в церковь, где продает свечи, и даже вовремя сделал через русло плотины специальный мостик для преподобного Никандры. Следовало бы заведующему почаще заглядывать на мельницу и следить за ее порядком, чем делать мостики и торговать свечами. Это будет лучше!». Под сообщением стоит подпись: «Случайный».

Снова о промышленности. В конце двадцать второго года в Порхов и уезд в промышленном отношении представляли собой довольно печальное, если не сказать жалкое зрелище. Безработица, если верить отчету Псковского Губернского Экономического совещания, свирепствовала. К апрелю двадцать третьего года предложение на рынке труда в городе и уезде более чем в два раза превышало спрос. Не требовались ни культпросвет работники, которых новая власть уже успела наплодить в больших количествах, ни служащие, ни железнодорожники, ни работники связи, ни металлисты, ни аптекари, ни работники питания, ни врачи, ни медсестры, ни строители, ни швеи...

В уезде работали лесопильный завод «Шелонь» и еще один такой же лесопильный завод «Маяково», производивший спичечную соломку. Работали плохо, с перерывами – то заказов не было, то они были, но не хватало сырья, потому что не заготовили вовремя лес, то выходило из строя старое оборудование, а нового взять было неоткуда и не на что. В самом Порхове фабрика «Воля», производившая шпагат и веревки, с трудом сводила концы с концами практически по тем же самым причинам с той лишь разницей, что сырье было, но не было спроса на веревки и шпагат. Работали в основном мелкие коммунальные предприятия вроде бань, мельницы, слесарно-кузнечных и цементно-черепичных мастерских и микроскопических кирпичных заводиков. Псковские губернские статистики скрупулезно пересчитали все предприятия государственной, кооперативной и частной торговли в Порхове. Их оказалось немного – одна кооперативная и три частных мясных лавки, один уличный торговец рыбой, одна кооперативная и четыре частных булочных, одна лавка, торгующая «колониальными бакалейными и гастрономическими» товарами, то есть чаем, кофе, сахаром, рисом и пряностями, одна керосиновая лавка, восемь уличных торговцев мануфактурой, один кооператор, торгующий сельскохозяйственными орудиями и машинами, одно государственное предприятие, продающее бытовую химию, аптекарские и парфю-

мерные товары, один государственный книжный магазин, в котором кроме книг можно купить еще и газеты, один частный торговец мебелью, четыре государственных и две кооперативных конторы, торгующих льном, одна государственная гостиница, один частный ресторан, девять постоялых дворов, баня, пивная, одна столовая, один буфет... Помните шляпный магазин Каина, шапочные Гирша и Маилова, кондитерскую Зайцева, булочную Ермолаева, косметический магазин Линде, рыбный магазин Усинова, бакалею Вульфа и Фендорфа, колбасную лавку братьев Ковалевых, колбасный магазин Фрейндорфа, магазин чаеторговцев Перловых? Забудьте. В городе не осталось даже мебелированных комнат. Воскликнуть, как Воробьянинов, «Поедем в номера!» было решительно невозможно.

Летом двадцать третьего Псковский губернский исполком решил отобрать у Петроградского дома искусств имение Холомки, устроить там туберкулезный санаторий, а заодно и поручать Порховскому уездному исполкому «выселить бывшую княгиню гражданку Гагарину из совхоза Холомки». Никакие письма Наркомпроса и ВЦИК, никакие указания на то, что Мария Дмитриевна проживает в своем доме по решению Совнаркома и ВЦИК, а выселение Народного дома имени Ленина, института Истории искусств и семьи Гагариной нарушает права этих учреждений и семьи, не помогли. Гагарины должны были покинуть пределы губернии. Губернский исполком предписал «Порховскому уисполкому оказать губздравотделу надлежащее содействие, вплоть до принудительного вселения санатория».

В октябре двадцать третьего президиум ВЦИК принимает решение о концентрации музейного имущества и сокращении числа музеев. Порховский музей предложили слить с Псковским. К счастью, не слили, но почти шестьдесят картин русских и иностранных художников увезли через два года в Псков. Нет нужды говорить о том, что в Порхов они никогда не вернулись. Впрочем, судьба той части, что осталась, была куда печальней – в сорок первом немцы ограбили музей дочиста.

Тогда же, в октябре двадцать третьего, распоряжением губисполкома был закрыт Никандров монастырь, а в декабре губернский суд рассмотрел дело по обвинению настоятеля монастыря архимандрита Владимира в контрреволюционной деятельности. Бывшего архимандрита выслали из Псковской губернии на три года, а монастырь еще долго сопротивлялся закрытию – монахи организовали в нем рабочую артель и стали членами рабочей артели, оставаясь при этом монахами. В двадцать восьмом году власти окончательно ликвидировали и монастырь, и монастырскую артель, а все оставшееся имущество монастыря изъяли⁴⁶. Газета «Псковский набат» писала в июле двадцать девятого года: «Закрыт и разобран приют пауков – Никандровская обитель...».

Теперь скажем об открытиях. В мае двадцать пятого года в Порхове открылся первый в губернии льнозавод, устроенный по последнему слову тогдашней техники обработки льна⁴⁷, и уже в феврале двадцать шестого в Ревель, то есть на экспорт, отправился первый вагон льна, переработанный заводом. В двадцать седьмом году неподалеку от Порхова Госторг, занимавшийся внешней торговлей, открыл птицеферму, или, как тогда говорили, рассадник. В нем выращивали кур американских пород на экспорт и для собственного потребления. Выращивать птицу в Порховском уезде умели. В том же году Госторг отправил из Порхова в Ригу десять тысяч гусей.

Кстати, о Порховском уезде. В двадцать седьмом году он прекратил свое существование. Вместо него был образован Порховский район, который приписали к Псковскому округу Ленинградской области. Если бы просто приписали... так ведь еще и отрезали от уезда две волости – Дновскую с центром на станции Дно и Солецкую с центром в Сольцах, из которых тоже образовали районы.

Все же промышленность и сельское хозяйство после того обморока, в котором они находились в первой половине двадцатых годов, начинали приходить в себя. К тридцать третьему году в районе работали десять маслозаводов, продукция которых шла не только в Порхов, но и в Ленинград. Точнее, не только в Ленинград, но и в Порхов. В Порхове, в дополнение к кожевенному заводу и шпагатной фабрике, появились хлебозавод и мебельный комбинат. Стахановцев развелось... Некоторые стахановцы упихивались в самом прямом смысле этого слова. К примеру, Яков Васи-

льев из колхоза «Красная береза» на лошади вспахал за один рабочий день гектар с четвертью, а работник артели «Марат» Полонского сельсовета Алексей Петров побил его рекорд, вспахав на тридцать пять соток больше. На кожевенном заводе открыли цех пошива армейских полушубков, и только за один тридцать третий год изготовили их более семидесяти двух тысяч.

Конечно, не все было гладко. К примеру, в тридцатом году Порховский район чуть не угодил на черную доску из-за того, что сорвал задание по сбору семенных фондов. Мельники не сдавали вовремя государству зерно, которое получали в оплату за помол. С мельниками церемониться не стали – составили на них протоколы о саботаже и передали эти протоколы в нарсуд, а районным контролерам потребсоюза было указано на их мягкотелость. Усиливалась классовая борьба, как и предупреждал в двадцать восьмом году на пленуме ЦК ВКП(б) лучший друг физкультурников. Вот несколько заметок из псковских газет только за первые два месяца тридцатого года. «Отдаются под суд за искривление классовой линии руководители Порховского льнотоварищества Захаров и Никитин». «В ночь на 4 января в дер. Путилово Порховского района загорелся сарай, принадлежащий бедняку-общественнику, Николаю Запевалову... Следствием обнаружено, что поджог произведен кулаком той же деревни Дмитриевым Василием. Кулак мстил общественнику Запевалову за участие последнего в выявлении скрытых Дмитриевым излишков хлеба. В поджоге оказалась замешана подкулачница Антонова, пролезшая в члена сельсовета. Кулак-поджигатель и его помощница арестованы. Ведется срочное следствие. Скоро поджигатели предстанут перед нарсудом Порховского района». «Зажиточный крестьянин дер. Люботи, Березцкого сельсовета, В. Николаев по приговору Порховского народного суда приговорен за отказ сдать лен к трем месяцам принудработ с конфискацией одной коровы». «5 января члены коммуны “Прогресс” (Буринский сельсовет, Порховского района) обсуждали вопросы о полном удалении икон из коммуны, снятии колоколов и закрытии рядом находящейся церкви. На собрании коммунары разоблачили местного попа Колеберского, который непрестанно агитировал против хлебозаготовок и 3-го займа индустриализации. Члены коммуны постановили выбросить все иконы и возбудить ходатайство о закрытии церкви и снятии колоколов. Кроме того, коммунары требуют привлечь к ответственности попа-вредителя». «Рабочие и работницы совхоза Полное (Порховский район) 7-го января торжественно отпраздновали открытие клуба в бывшей церкви, закрытой по постановлению общего собрания... На открытии вынесена резолюция, в которой рабочие совхоза обязались немедленно выбросить все иконы в жилых помещениях и всем коллективом вступить в союз воинствующих безбожников. Полновцы вызывают последовать их примеру соседнюю коммуну “Буринги” и совхоз “Красные горки». Опоздали с вызовом рабочие и работницы совхоза Полное на двое суток...

Партия с сельского хозяйства глаз не спускала и труженикам села давала детальные указания. В десятом пункте резолюции девятой районной партийной конференции по докладу товарища Мартынова о контрольных цифрах на 1934 год сказано: «Конференция резко осуждает оппортунистическую недооценку развития животноводства, проявленную районными организациями. Конференция обязывает провести в 1934 году конскую случную компанию, покрыв не менее 2500 маток против 1789 маток прошлого года, получив не менее 70 проц. выжеребки. Покрыть все наличие коров и нетелей. Не менее двух раз в год покрыть свиноматок и получить приплода от крупного рогатого скота не менее 90 проц. От числа покрытых и на одну свиноматку не менее 7,7 деловых поросят». И это не все. Нужно повысить удойность до полутора тысяч литров у колхозных коров, повысить убойный вес скота не менее чем на пятнадцать процентов, обеспечить снабжение всех колхозников коровами, повысить классовую бдительность, бороться со всеми проявлениями кулацкого саботажа, решительно очищать колхозы от классово-чуждых элементов, организовать красные уголки во всех колхозах, двести детских яслей, тридцать три колхозных клуба, улучшить общественное питание, поднять урожайность, усилить борьбу с бюрократизмом и волокитой, перестроить работу...

Делегаты, слушая, как зачитывают резолюцию, сидели тихо, стараясь не скрипеть стульями, время от времени взглядывали на районное начальство и представителя обкома, сидящих

в президиуме, и думали про себя: «...и удойность им повысь, и убойный вес, и коровами всех колхозников обеспечить, и красные уголки, и ясли, и клубы, и свиноматок два раза в год... сами бы и покрывали...».

Еще об одном открытии. В тридцать шестом году в Порхове открылся театр драмы и комедии. Не театральный кружок или студия, где собирались в свободное от работы время любители, а настоящий театр с артистами, режиссером, художниками-декораторами, гримерами, парикмахерами, музыкантами и осветителями. Шестьдесят четыре штатных сотрудника, половина из которых артисты. Работали они буквально на износ – уже в год открытия поставили двести выездных спектаклей. Выезжали в Порховский район, в другие районы Ленинградской области, в Белоруссию, и даже в Ленинграде ежегодно ставили более полусотни спектаклей. Теперь в Порхове есть социально-культурный комплекс, а в нем театральная студия, а в ней двенадцать человек, которые в свободное от работы время...

В тридцать седьмом арестовали председателя Порховского райисполкома Николая Мартынова. Вместе с ним арестовали управляющего Порховской райконторой Главмясо Аршалуйса Бузьянца, старшего агронома Порховского райземотдела Ивана Сиротина, заведующего городской ветеринарной лечебницей Анатолия Осиновского, старшего ветврача Порховского района Владимира Сулова, заведующего свинофермой Ивана Шереметьева, старшего агронома Порховского райземотдела Ивана Сиротина и заведующего сектором Порховского райземотдела Николая Ильина. Только Ильину было больше сорока лет. Только Сулов и Шереметьев получили по пятнадцать лет лагерей. Все остальные были приговорены к высшей мере наказания по ст. 58-7-11 УК РСФСР и расстреляны в Ленинграде в тридцать восьмом году. Никто из них виновным себя в том, что он принимал активное участие в антисоветской диверсионно-террористической организации и проводил подрывную работу в сельском хозяйстве, срывая севообороты, не признал.

В тридцать восьмом арестовали и завели дело на редактора Порховской районной газеты Александра Гальского, которого обвинили в подрыве авторитета советской власти. И дело оказалось липовым, и Гальский своей вины не признал, и давший на него показания первый секретарь райкома от них в конце следствия отказался, но... к пяти годам лагерей редактора газеты Особое совещание при НКВД приговорило.

В Книге памяти жертв политических репрессий Псковской области только жителей Порхова и района с фамилией Алексеев около двух десятков – крестьянин, штукатур, колхозник, еще колхозник, председатель колхоза, военнослужащий, крестьянин, снова военнослужащий, торговец, заготовитель спиртового завода, домохозяйка, крестьянин... Потом идут Андреевы, потом Антоновы... потом Ивановы, которых шестьдесят. Огородник курорта «Хилово» Бикчурин Касим Хайдерович, рабочий кожзавода Биркант Эрнест Фридрихович, писарь 19-й отдельной химической роты Богданов Василий Васильевич, заведующий аптекой курорта «Хилово» Иоффе Вениамин Маркович, инструктор райфинотдела в Порхове Крумберг Мильда Егоровна, пчеловод колхоза «Демьянка Октября» Крысанов Иван Федорович, педагог библиотечного техникума Крупич Иван Максимович ... Бондарь, пекарь, извозчик, телефонистка, слесарь, фельдшер, печник, учительница, медсестра, нормировщик, бухгалтер, священник, столяр, кладовщик, домохозяйка, грузчик... Расстреляны, раскулачены, высланы...

И последнее о предвоенных годах в истории Порхова. В тридцать девятом году городские власти планировали отмечать семисотлетие Порхова. В преддверии праздника председатель Порховского горсовета пишет в конце мая письмо председателю облисполкома: «6-го августа с.г. трудящиеся г. Порхова отмечают 700-летие существования своего города. Город Порхов заложен по приказу князя Александра Невского, ведущего борьбу с немцами псами рыцарями. Созданная юбилейная комиссия... наметила ряд мероприятий по проведению данного праздника. В частности, намечена организация выставки, показывающая гор. Порхов до и после октября. Постановка обелиска на месте закладки города (городище), 5 памятных мраморных досок, проведение общегородского гулянья, выпуск брошюры и пр. Для проведения всех этих скромных и необходимых мероприятий требуется помощь областных организаций Облисполкома в отпуске материалов и средств. Тов. Соловьев, я прошу Вас лично заняться этим делом и добиться отпуска Горсовету:

1. Средства на проведения юбилея минимум 20–25 тыс. руб. 2. Небольшое количество стройматериалов для ремонта здания бывшего Собора, где будет размещена выставка. 3. Дать распоряжение от имени Облисполкома ОблПлану, ОблЖилкоммунотделу и ОблФо об отпуске средств и материалов для завершения к августу намеченного планом городского благоустройства. 4. Прошу не забывать гор. Порхов, как юбиляра и отметить это в Облисполкоме в виде решения президиума, или еще каким-нибудь другим способом. Прошу дать ответ».

Председатель облисполкома товарищ Соловьев через три дня поперек письма председателя Порховского горсовета наложил резолюцию: «Я не поддерживаю. У нас очень много городов и не всем справляем юбилей». Через две недели в Порхов пришел и официальный отказ: «Председателю Порховского Горсовета т. Васильеву. По указанию секретаря Ленинградского Облисполкома т. Болотова И.Ф. сообщая, что Ваше ходатайство об отпуске средств на проведение юбилейных торжеств, в связи с 700-летием города Порхова, удовлетворено быть не может. Зав. Общим отделом Облисполкома Сорокин».

Война подошла к Порхову стремительно. Еще в конце июня горожане и жители района спешно строили бомбоубежища, оборонительные сооружения, заготавливали продовольствие для воинских частей, а уже в начале июля стало ясно, что нужно эвакуировать население и промышленные предприятия. Шестого июля немецкая авиация бомбила военные аэродромы возле деревень Нестрино в семи километрах западнее Порхова и Малитино – в девяти юго-восточнее. В полночь десятого июля моторизованная группа 29-го пехотного полка 3-й моторизованной дивизии 56-го танкового корпуса Манштейна ворвалась в город. Как только группа стала переходить по шоссе-ному мосту через Шелонь, тот был дистанционно взорван, и немцы вместе со своим командиром, полковником Грессером, взлетели на воздух. Весь следующий день, одиннадцатого июля, наши войска при активном участии авиации пытались отбить город. К вечеру, после подхода моторизованных частей немецкого 8-го пехотного полка, атаки ослабели, а к ночи, после подхода танков 8-ой дивизии 56-го танкового корпуса, окончательно прекратились.

Начались два с половиной года немецкой оккупации. Только в июле в Порхове было расстреляно и повешено двести пятьдесят человек. Расстреливали на старом городище – на том самом месте, где была основан Порхов Александром Невским. Уже после войны, в сорок пятом, комиссия, обследовавшая место расстрела, нашла дюжину десятиметровых рвов глубиной три и шириной два метра. В этих рвах находились трупы около пяти тысяч человек. Возраст расстрелянных – от двух до шестидесяти пяти лет. Летом на городище еще можно разглядеть почти заросшую тропинку, по которой шли к месту расстрела.

На окраине Порхова в августе сорок первым немцами был создан пересыльный лагерь для военнопленных Дулаг 100 (нем. Durchgangslager 100), просуществовавший до февраля сорок четвертого. Еще в тридцать шестом здесь был построен военный городок, в котором перед войной размещался танковый полк. В городке имелись три трехэтажные кирпичные казармы⁴⁸, семь домов командного состава, столовая, мастерская, ангары, склады... В октябре сорок второго псковская оккупационная газета «За Родину» писала: «Возле Порхова отстроен военный городок, и он почти не пострадал, это и дало возможность некоторым разорённым жителям хотя и ненадолго иметь свой кров...». Очень ненадолго. Буквально на две или три недели. Потом в городке разместили от двадцати пяти до тридцати тысяч военнопленных. Конечно, никаких казарм и выделенных дополнительно трех деревянных сараев не хватило для того, чтобы военнопленным дать крышу над головой. Летом и зимой пленные жили под открытым небом. Начальство лагеря по этому поводу нимало не беспокоилось. Обнесло лагерь двумя рядами колючей проволоки и поставило бетонные вышки с вооруженной охраной. В помещении бывшей офицерской столовой устроили лазарет – на бетонном полу, еле прикрытом соломой, лежало одновременно около пятисот раненых и больных. Ухаживали за ними наши медсестры и врачи. Немецкие санитары к нашим больным не подходили. Лекарств и перевязочных материалов не просто не хватало – их практически не было. Иногда их наши медсестры выменивали у немецких санитаров на продукты. Каждый день от холода, от тифа и от побоев в лагере умирало от ста до ста пятидесяти человек.

Из протокола допроса бывшего военнослужащего 181-й охранной дивизии Карла Касселя: «С ноября 1941 года по декабрь 1942 года я служил в составе 252-го охранного б-на в г. Порхов Псковской обл. в качестве помощника санитаря. В г. Порхов был лагерь русских военнопленных, численностью 500–600 человек. Этот лагерь охранял 252-й батальон. 1-я рота батальона, в которой я служил, часто сопровождала эшелоны с пленными из г. Старая Русса в г. Порхов. Военнопленные в большинстве своем были раненые и больные. Их зимой возили в открытых вагонах и очень плохо кормили, поэтому среди них была большая смертность. В феврале 1942 года я в качестве часового сопровождал два транспорта с советскими пленными из г. Старая Русса в г. Порхов. По пути следования в обоих транспортах умерло около 10 человек русских пленных».

Свидетель Давыдов Петр Давыдович: «Я работал в качестве грузчика в лагере военнопленных, расположенного в военном городке г. Порхова, и наблюдал, что в нем происходило. В лагерях советских военнопленных царил полный произвол. Советские люди сознательно уничтожались в массовом количестве. С этой целью в лагерях существовал голодный паек, над советскими людьми всячески издевались, избивали систематически. Условия были созданы нечеловеческие, вследствие чего была большая смертность среди пленных. Советским людям, содержащимся в лагерях, немцы давали менее 200 граммов хлеба и 0,5 л баланды вместо супа, в котором кроме воды находилось небольшое количество неочищенного картофеля... В свободное от работы время пленных ставили на пни и на высокие поленицы дров, чтобы сильнее их продувало ветром, заставляя стоять продолжительное время. Такое издевательство видел лично сам. Мне известен случай, когда в 1942 году немецкий офицер переломил пленному руку в локтевом суставе. Свой зверский поступок немецкий офицер объяснял тем, что указанный пленный пытался перейти с большого лагеря».

Свидетель Михайлов Павел Михайлович: «Были случаи, когда немцы хоронили живых советских людей. В 1942 году, осенью, немцы на 5 подводах везли трупы военнопленных с вокзала. Я стоял у своего дома и видел, как на одном возу лежал человек и махал одной рукой, высунутой из-под трупов, давая знать, что он еще живой. Это немцы видели, но не обращали внимания. Военнопленные содержались в 3-х этажных домах, окна которых были заложены кирпичом и имели отверстия примерно 10 на 15. В 1941 году, несмотря на сильные морозы, красноармейцы были вынуждены находиться на улице круглые сутки. Они собирались группами человек по 20, ложившись на снег, прижимаясь, друг к другу и так спали ночью. Много пленных не имели шинелей и сапог, сидели на морозе, замотав ноги тряпками. Однажды по городу Порхову немцы вели группу пленных, а сзади несли одного, так как идти сам не мог, он попросил, чтобы его положили на землю и дали отдохнуть, увидев это, немецкий конвоир подстрелил его. Это я видел лично сам».

Свидетель Никольский Валериан Михайлович: «...с 6 сентября 1941 г. По 3 октября 1943 г. Я находился под стражей в лагере. Причина ареста неизвестна. В лагере царил полный произвол. В моем присутствии немецкий офицер по имени Рудольф, ради своего развлечения заставлял советского гражданина по имени Михаил кушать сырую, только что опаленную мышь. И человек под угрозами съедал. Немецкий офицер систематически издевался над Михаилом, заставляя глотать камни и ледяную воду, в октябре Михаил умер от истязаний и истощения».

Всего, как определила специальная комиссия в марте сорок пятого года, на кладбище советских военнопленных в лагере Дулаг 100 захоронено около восьмидесяти пяти тысяч мужчин в возрасте от восемнадцати до пятидесяти пяти лет⁴⁹.

Подполье в Порхове и районе начало действовать почти сразу после начала оккупации. Первым подпольщиком стал бывший секретарь райкома партии Иван Васильевич Курсаков. Его группа действовала не столько в Порхове, сколько в районе. Летом и осенью сорок первого года партизанам в деревнях нельзя было и показаться. Местные жители, среди которых были ничего не забывшие раскулаченные, ловили и сдавали партизан оккупационным властям. Ситуация осложнялась тем, что многих партийных и советских работников сельские жители знали в лицо. Курсакова немцы арестовали в ноябре. Его выдали свои. В апреле сорок второго он был казнен.

Самую разветвленную и эффективную подпольную организацию в Порхове создал агроном и садовод Борис Петрович Калачев, приехавший в Порхов еще в двадцать седьмом году. С началом войны Калачев поселился на территории крепости. Ему доверяли все – и порховичи, и жители района, знавшие его как опытного садовода, при котором площадь садов в районе увеличилась в девять раз, и немцы – в партии он не состоял и немецким языком владел, так как проходил трехлетнюю стажировку в Германии. Оккупационные власти поначалу даже предложили ему стать порховским бургомистром, но Калачев отказался, объяснив свой отказ глухотой. Тем не менее, главным агрономом Порховского района и начальником биостанции он стал.

Первое собрание пока еще четырех участников порховского подполья произошло пятнадцатого июля, то есть уже через пять дней после начала оккупации. К концу августа сорок первого года подпольная организация была создана. Калачев, пользуясь доверием немецкого коменданта, устроил на работу в различные оккупационные учреждения около двух десятков порховичей-подпольщиков. Полученные от них сведения передавались партизанам.

В ботаническом саду крепости выращивались в большом количестве лекарственные растения и цветы для немцев. В том числе и цветы на могилы немецких солдат. На работы в саду Калачев смог привлечь с согласия немецких властей до двухсот заключенных Дулага. Часто случалось так, что приводили утром на работы пленных больше, чем уводили в лагерь вечером – подпольщики помогали нашим людям бежать. Медсестры лагерного лазарета Любовь и Мария Киселевы, входившие в группу Калачева, помогли переправить триста человек к партизанам. Подпольщики составили график движения немецких поездов через Порхов и передали его партизанам. Сами получали от партизан листовки, распечатки сообщений, полученных по радио, и советские газеты для распространения среди населения. Получали не только листовки с газетами, но и взрывчатку, с помощью которой взорвали электростанцию кожевенного завода, часть немецких казарм, склад бензина, на котором хранилось его полтора миллиона литров, несколько цистерн с горючим на железнодорожной станции и немецкое казино. Группа Калачева наладила бесперебойное снабжение партизан немецкими паспортами и медикаментами. Заготовленные по требованию оккупационных властей лекарственные растения передавались немецкому аптекарю, а тот за выполненную работу снабжал порховскую аптеку и больницу лекарствами, перевязочными материалами и медицинскими инструментами. Все переданное строго учитывалось. Заведовал порховской аптекой Владимир Вульф, тоже немец, но поволжский. Немцы ему доверяли, не подозревая, что он почти половину переданных ему медикаментов передавал подпольщикам. При этом Вульф так умело оформлял документы, что умудрялся оставаться вне подозрений.

Группа Калачева успешно действовала до лета сорок третьего года. Согласно основной версии, выдал подпольщиков военнопленный, инженер Мальцевский, которого они смогли вытащить из лагеря. В июле в дом к подпольщикам – учителю Валентине Еровой и агроному Антонине Тимофеевой пришли два человека, назвали правильный пароль и попросили проводить их к партизанам. Маршрут им указали. Увы, это были провокаторы. Начались аресты. Калачева арестовывали два раза. Первый раз отпустили, а во второй при обыске нашли дневник, в который Борис Петрович скрупулезно, день за днем, записывал, какую работу выполнял каждый подпольщик. Под пытками руководитель порховского подполья не выдал никого. Удивительно, но заведующий тюрьмой, несмотря на запреты начальства, передавал заключенному от подпольщиков еду и чистую одежду. По-видимому, он и передал Калачеву по его просьбе ядовитые корни аконита, куст которого рос в ботаническом саду на территории крепости. В ночь на тридцать первое июля Борис Петрович ими отравился, поскольку уже знал, что его вот-вот повесят⁵⁰. Небольшая часть подпольщиков успела уйти в партизаны, а те, кто не успел, были отправлены немцами в концлагерь возле деревни Заполянье в десяти километрах от Порхова и там расстреляны. Те, кто остался на свободе, пытались их спасти и сумели подкупить охрану концлагеря, но один из охранников в пьяном виде рассказал о готовящемся побеге немцам.

Куст аконита и сейчас растет в ботаническом саду на территории крепости. Летом весь усыпан красивыми фиолетовыми соцветиями. Правда, это не тот самый куст, что рос здесь в сорок третьем, но на том же месте.

Партизанская газета «Порховская правда» 19 июля 1942 года: «Теперь в г. Порхове евреев не стало, ни взрослых, ни малолетних: они все расстреляны в лесу близ совхоза “Полоное”. Грудных детей палачи одной рукой держали над головой, а другой в упор расстреливали из пистолета».

Тринадцатого ноября сорок третьего года в восемь часов вечера в Порхове был взорван немецкий кинотеатр, под обломками которого погибло семьсот шестьдесят четыре солдата, сорок один офицер и генерал. На следующий день после взрыва о нем было сообщено в сводках Советского информбюро, поскольку это была если и не самая, то одна из самых крупных диверсий за все годы Великой Отечественной войны. Организатором и исполнителем ее был Константин Александрович Чехович.

Газета «За родину» 30 декабря 1942 года: «Одним из зданий, украшавших Порхов до войны, был трехэтажный дом в центре города, принадлежавший в свое время купцу Зацкому. Большевики, при отступлении из города, летом 1941 года, дом разрушили. Восстановление его было начато по инициативе начальника района. Благодаря большой помощи германских военных организаций часть здания уже восстановлена и приспособлена под театр. Открытие театра состоялось в первых числах декабря. 500 человек с большим интересом прослушали концерт».

Чехович появился в Порхове в августе сорок первого. Полк, в котором он командовал ротой, с большими потерями дошел до Пскова, потом его перебросили в Новгородскую область, где Чехович был участником контрудара нашей армии под Сольцами. В начале августа он получил задание создать партизанскую ячейку на территории Порховского района. План был в составе диверсионной группы из пяти человек пройти восемьдесят километров до места, где с самолета им должны были сбросить снаряжение, необходимое для выполнения задачи, и новые инструкции. Все подготовились, переоделись в гражданское и стали пробираться через линию фронта, но при переходе попали под сильный обстрел. Группа рассеялась, а Чехович был контужен и вместе с командиром группы попал в плен. К счастью, им удалось бежать из него. Времени до встречи с самолетом у них оставалось мало, двигаться они могли только по ночам, и потому до заданного места они добраться вовремя не смогли. Товарищ Чеховича предложил ему пробираться в Порхов, а сам ушел в другом направлении. Перед тем как расстаться, Константин получил от командира три золотых пятирублевых монеты царской чеканки.

В городе Чехович не знал никого, и документов у него не было никаких. Арестовать его могли в любой момент. Скрываться диверсант не стал, а сразу пошел в городскую управу и на допросе ее начальнику рассказал, что работал районным техником электрических сетей в Пскове и после начала войны шел в сторону Новгорода вместе с фронтом, но в районе станции Дно быстро отступавшая армия его обогнала, и он оказался на оккупированной территории. Убедительность его рассказу придали золотая пятерка, которую он из рук в руки передал начальнику управы, приказавшему оформить Чеховичу пропуск в Порхове. В конце августа Константин уже работает электриком на городской электростанции. Поселился он в доме Евдокии Васильевой, на которой через два месяца женился. К тому времени Чехович сумел наладить связь с Ленинградским штабом партизанского движения. В конце сорок второго года он с разрешения немецкой комендатуры устроился работать администратором кинотеатра.

Газета «За родину» 18 апреля 1943 года: «Благодаря энергии и предприимчивости начальника района А. Беляева, удалось сбереечь, а теперь и отремонтировать большой трехэтажный дом. В нем теперь происходят киносеансы и театральные представления. Но помимо этого помещения, в доме имеется еще несколько помещений, которые также будут в ближайшем времени рационально использованы. Киносеансы в Порхове пользуются огромным успехом, главным образом, среди молодежи». Газета не сообщила, как рационально оккупационные власти использовали несколько свободных помещений. Оно и понятно – зачем в заметке про кинотеатр писать, что в свободных помещениях расположился штаб СД, а в подвале – камеры для содержания арестованных.

К середине сорок третьего напряжение в городе стало нарастать. Партизанское движение приобрело большой размах. В Порхове убили хозяйственного коменданта города. Приток на-

селения в партизанские соединения, действовавшие на территории района, заметно усилился. Гестапо этим воспользовалось и стало засылать партизанам своих провокаторов. Летом с их помощью была раскрыта и практически вся уничтожена подпольная организация Калачева. Заниматься сбором разведанных в Порхове стало опасно, а передавать собранные сведения партизанам сложно, поскольку большей части подпольщиков пришлось уйти из города. Чехович тоже решает уходить, но перед уходом взорвать железнодорожный мост через Шелонь. Уже был найден местный полицай, согласившийся помочь, уже доставлена в город взрывчатка и закопана Чеховичем во дворе дома... Все пришлось отменить – русских полицаяев, охранявших мост, заменили немецкими солдатами.

После недолгих размышлений Чехович и его партизанское начальство приняли решение взорвать кинотеатр, в котором он работал администратором. Эта задача была ничуть не проще взрыва моста. Поскольку кинотеатр посещали немецкие солдаты и офицеры, то каждый раз перед сеансом зал, кинобудку и прилегающие помещения осматривали офицер СД и несколько солдат. На киносеансы для немцев русские не допускались. Более того, для посещения местных жителей и немецких солдат были установлены различные дни. В зал зрителей, как русских, так и немцев, запускали за пятнадцать минут до сеанса. Служебное положение Чеховича позволяло ему приходить в зал раньше зрителей. Он приходил и каждый раз приносил по две шашки тола весом по четыреста граммов каждая, которые закладывал под галерею в центре зрительного зала. Пробираясь он в галерею через люк, но таким образом, чтобы слой паутины, видневшийся при открытии люка, не был нарушен. За сохранностью паутины немцы следили. Принести из дому и незаметно уложить шестьдесят четыре килограмма взрывчатки за короткий срок одному при том, что с каждым днем в городе становилось все опаснее оставаться... Чехович смог устроить на работу уборщицей в кинотеатр семнадцатилетнюю сестру жены. Взрывчатку она проносила в кинотеатр в ведрах с грязной водой. Уложили шашки быстро. После этого уборщица была уволена и отправлена в деревню Радилово, к матери, то есть к теще Чеховича. Поскольку никаким бикфордовым шнуром для взрыва воспользоваться было нельзя, а электродетонаторов у партизан не было, Чехович самостоятельно изготовил четыре электродетонатора и механический часовой взрыватель.

Газета «За родину» 30 декабря 1942 года: «В городе успешно функционирует прекрасно оборудованный кинематограф на 500 мест, а любительские спектакли и концерты стали теперь регулярными и пользуются заслуженным успехом у населения».

Тринадцатого ноября сорок третьего года в кинотеатре был аншлаг – показывали фильм об артистах цирка. В зал набилось куда больше положенных пятисот человек. Все проходы были заняты солдатами. В восемь часов вечера «прекрасно оборудованный кинематограф» вместе с немецкими солдатами, офицерами и генералом взлетел на воздух. Не весь, поскольку купеческие дома строили на совесть, но крышу и стену, обращенную к Шелони как корова языком слизала. В этот момент Чехович уже ехал на велосипеде в деревню Радилово, в сорока километрах от Порхова, к семье, которую загодя туда отправил.

В качестве послесловия к взрыву можно сказать, что ни один из арестованных, содержавшихся в подвале кинотеатра, не пострадал. Что касается Константина Александровича Чеховича, то он продолжил воевать уже в качестве начальника штаба одного из отрядов 7-й ленинградской партизанской бригады, действовавшей на территории Ленинградской области, в которую тогда входил и Порховский район. До конца войны его отряд успел пустить под откос двадцать девять вражеских эшелонов, взорвать несколько железнодорожных и автомобильных мостов, вывести из строя десятки километров рельсов, связи и уничтожить три с половиной тысячи немецких солдат и офицеров⁵¹.

Теперь о партизанах. Они начали действовать в Порховском районе буквально с первых месяцев войны. В конце июля была создана 2-я ленинградская бригада на базе отрядов из Порхова и близлежащих районов. Комиссаром бригады был назначен секретарь Порховского райкома ВКП(б) Сергей Александрович Орлов. Именно по его инициативе в марте сорок второго отправился в блокадный Ленинград партизанский обоз с продовольствием, состоявший из более чем

двухсот подвод, на которых везли тридцать пять тысяч пудов продуктов. Только за год боевых действий бригада уничтожила около десяти тысяч солдат и офицеров вермахта. В общей сложности на территории Порховского района действовало в годы войны до десяти партизанских бригад. Под их защитой находилось четыреста деревень, в которых оккупанты боялись появляться. В 3-й ленинградской партизанской бригаде к маю сорок третьего года состояло три тысячи человек, и среди этих трех тысяч тоже был отряд порховичей. Партизаны громили комендатуры, взрывали склады, мосты, устраивали диверсии на шоссе на дорогах. Это был фронт в ста километрах к западу от линии фронта.

Из протокола допроса жителя сожженной деревни Ровняк Порховского района М. П. Кудрявцева. 22 января 1947 г.: «В октябре 1943 года я и моя семья находилась в деревне Кашутино дней 10, так как наша деревня была сожжена. В Кашутино находилось еще несколько семей из других деревень. Ночью в октябре месяце, числа не помню, в деревню Кашутино пришли немецкие солдаты, человек 25–30, расположились в одном из домов у Федорова Василия Федоровича. Спросили покушать и расположились спать, никому ничего не грубили, а утром рано, чуть свет, деревня Кашутино была вся оцеплена и всех жителей свели в одно место за деревню метров 150–200. Некоторые делали попытку бежать, но были возвращены обратно и поставлены в одно место. На этом месте, где стояли солдаты, стоял ручной пулемет. Немецкие солдаты в количестве 20–25 в ряд против нас, не объявив нам ничего, открыли по нам стрельбу из автоматов и карабинов – была слышна автоматическая и одиночная стрельба. Народ стал падать, видя такое положение, упал и я рядом с убитой моей женой Кудрявцевой Татьяной. Лежал, притаил дыхание, как неживой. Через некоторое время я услышал легкий голос: “Вставайте, кто живой”, то я откликнулся молча, могут услышать, то мне ответили, что немцев нет – вставайте... Когда я посмотрел, убедился, что немцев нет, встал и побежал в лес... Выведено за деревню на расстрел немецкими солдатами из деревни Кашутино около сорока человек, но взрослой молодежи было не более как 20 человек, а остальные были дети и старики, в целом из всего состава были больше девушки, подростки и женщины. 5-6 человек в этом количестве было детей от года до 10 лет. Человек 5 убежало в момент сбора и когда они гнали нас на поле на расстрел. Всего расстреляно около 30 человек... Выстроенные против нас солдаты стояли вооруженные автоматами, карабинами и пистолетами, тут же стоял и ручной пулемет. Стрельба была открыта из всевозможного оружия. Были выстрелы и очередями, автоматическое оружие, были и одиночные выстрелы. Когда групповая стрельба была окончена, то некоторые раненые стонали. Солдаты ходили около убитых, и по тем, кто стонал, делали по ним еще выстрелы. Так же добыта была и моя жена Кудрявцева Татьяна, которая стонала – лежала рядом со мной...».

Акт о сожжении военными 16-й охранной дивизии деревни Стрянниха Порховского района 24 января 1947 г.: «Мы, нижеподписавшиеся жители деревни Стрянниха Луковищенского с/совета Порховского района Псковской обл. Егоров Федот Егорович, 1896 года рожд., председатель колхоза «Новый путь» – Мартынов Алексей Мартынович, 1909 года рожд., Афанасьев Максим Афанасьевич, 1889 года рожд., что солдатами 16-й охранной дивизии 8 октября 1943 года была сожжена деревня Стрянниха в количестве 25 дворов со всеми пристройками. Кроме того, сгорело: лошадей – 3, коров – 2, небомолоченный хлеб: рожь – 200 пудов, овес – 250 пудов, ячмень – 100 пудов, лен – 500 пудов. Кроме того, было вывезено: рожь – 100 пудов и овес – 120 пудов.

Акт опознания бывшим военным 16-й охранной дивизии Людвигом Прюллером места совершения преступления в деревне Кашутино Порховского района. 23 января 1947: «Мы, нижеподписавшиеся: ст. опер. Уполномоченный лагеря № 410 МВД СССР, ст. лейтенант Шамаков, переводчик лагеря № 410 МВД СССР Вагнер, жительница деревни Кашутино Луковищенского с/совета Порховского района Псковской обл. Яковлева Татьяна Ивановна, 1929 года рожд. (находящейся под расстрелом 21 октября 1943 года) и в/пленный лагерного отделения № 2 МВД СССР Прюллер Людвиг Михаэль, 1900 года рожд. Составили настоящий акт в том, что в/пленный Прюллер опознал деревню Кашутино, название которой не помнил, где солдатами 16-й ох-

ранной дивизии 3-й роты в количестве 25–30 человек под командованием капитана Бахмайера и лично им произведена облава деревни Кашутино и расстрела мирных граждан, детей, стариков и женщин в количестве 35–40 человек и была сожжена полностью деревня, а также опознал место, где они произвели расстрел 21 окт. 1943 года в 200 метрах от деревни Кашутино, в чем и составлен настоящий акт».

Из протокола допроса бывшего военнослужащего 16-й охранной дивизии Людвиг Прюллера: «Я признаю себя виновным в том, что я, будучи обер-ефрейтором германской армии, в составе 16-й охранной дивизии в р-не Порхова Псковской области 08.09.1943 г. являлся активным участником сожжения деревни Стряниха, где лично сжег 3 дома. 21 октября 1943 года являлся активным участником расстрела 30 советских граждан деревни Кашутино Порховского р-на Псковской области, где лично расстрелял 2-х или 3-х человек из карабина. Кроме этого, я лично являлся участником насильного угона советских граждан на занятой нами территории Лехово в Германию на работу...».

Из показаний свидетеля Григорьева Якова Григорьевича, жителя деревни Кузнецово, Порховского района Псковской области на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге 26 февраля 1946 г.: «В памятный день 28 октября 1943 г. немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали творить расправу с мирными жителями, расстреливать, загоняя в дома. В этот день я работал на току со своими двумя сыновьями, Алексеем и Николаем. Неожиданно к нам на ток зашел немецкий солдат и велел следовать за ним. Нас повели через деревню в крайний дом. Я сидел около самого окна и смотрел в окно. Вижу, немецкие солдаты гонят еще большую толпу народа. Я заметил свою жену и маленького своего сына 9 лет. Их сначала подогнали к дому, а потом повели обратно, куда – мне было тогда неизвестно. Немного погодя входят три немецких автоматчика, и четвертый держит наган в руках. Нам приказали выйти в другую комнату. Поставили к стенке всю толпу 19 человек, в том числе меня и моих двух сыновей, и начали из автоматов стрелять по нас. Я стоял около самой стенки, немного опустившись. После первого выстрела я упал на пол и лежал не шевелясь. Когда расстреляли всех, они ушли из дома. Я пришел в сознание, гляжу – невдалеке от меня лежит мой сын Николай, он лежал ничком и был мертв, а второго сына я сперва не заметил и не знал, убит он или жив. Потом я стал подниматься, освободив ноги от навалившегося на них трупа. В этот момент меня окрикнул мой сын, который остался в живых... Второй, а первый лежал убитый невдалеке от меня. Сынишка крикнул: “Папа, вы живой?” ...Он был ранен в ногу. Я его успокоил: “Не бойся, сыночек, я тебя не оставлю, как-нибудь уйдем. Я тебя вынесу отсюда”. Немного погодя загорелся дом, в котором мы лежали. Тогда я, открыв окно, выбросился из него вместе со своим раненым мальчиком, и мы стали ползти от дома, притаясь, чтобы не заметили немецкие солдаты. Но на пути нашего отхода от дома стояла высокая изгородь, мы не сумели раздвинуть изгородь, а начали ломать ее. В этот момент нас заметили немецкие солдаты и начали по нас стрелять. Я тогда шепнул своему сынишке, чтобы он притаился, а я побегу. Мне его было не снести, и он побежал немного и, благодаря зарослям, притаился, а я побежал дальше, отвлекая внимание солдат. Немного пробежав, я вскочил в постройку, стоявшую около горящего дома. Посидел там немножко и решил идти дальше. Я убежал в ближайший лес, находящийся неподалеку от нашей деревни, и там переночевал. Наутро я встретил из соседней деревни Алексея Н., который мне сообщил, что мой сын Леша жив, так как он уполз. Потом, на второй день после этого, я встретил из этой деревни Кузнецове мальчика Витю – это был беженец из-под Ленинграда и проживал во время оккупации в нашей деревне... Он тоже чудом спасся, выскочив из огня. Он мне сказал, как происходило дело во второй избе, где были моя жена и мой малый сынишка. Там дело происходило так: немецкие солдаты, загнав людей в избу, отворили в коридор дверь и через порог стали поливать из автомата. Со слов Вити, там горели живые люди, в том числе, по его словам, сгорел заживо мой мальчик Петя девяти лет. Когда Витя выбежал из избы, то видел, что мой Петя еще был жив и сидел под лавкой зажавши ручонками уши... Из моей семьи остались в живых только я и мой мальчик. Застрелены в моей семье: жена на шестом месяце

беременности, сын Николай 16 лет, сын Петя 9 лет и невестка, жена брата, с двумя ребятами – Сашей и Тоней».

Еще была деревня Красуха в десяти километрах к юго-западу от Порхова, рядом которой подорвался немецкий автомобиль с начальником штаба группы армий Курляндия. Жителей Красухи не расстреливали – их согнали в сарай, облили бензином и сожгли в тот же день. Двести восемьдесят человек, среди которых были дети и беженцы из Ленинграда и Старой Руссы. Уцелела только Мария Лукинична Павлова, у которой в огне погибли все дети – одиннадцатилетний Николай, десятилетняя Галя, семилетняя Надя и шестилетний Вита.

Порхов был освобожден двадцать шестого февраля сорок четвертого года в ходе наступательной Ленинградско-Новгородской операции, а к началу марта от оккупантов очистили и весь район. Надо сказать, что город с ходу взять не удалось. Двум дивизиям пришлось обойти его с двух сторон, и тогда... у немцев сдали нервы. Боясь окружения, они быстро отступили. К счастью для Порхова, он находился перед немецким Восточным валом. Соседним с Порховой Острову и Опочке, находившимся за линией этих укреплений в ста километрах к западу, пришлось ждать освобождения еще полгода.

Отступая, фашисты успели заминировать и взорвать девяносто процентов зданий в Порхове. Из тысячи двухсот с небольшим довоенных зданий частично или полностью уцелела ровно десятая часть. Согласно акту о зверствах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в г. Порхове и Порховском районе Ленинградской области и ущербе, нанесенном ими народному хозяйству, были взорваны и сожжены Городской Государственный драматический театр, краеведческий музей, к тому же совершенно разграбленный, городская библиотека, кинотеатр, шесть школ, библиотечный техникум, мебельная фабрика, льнозавод, здания овчинно-шубного и известкового заводов, больница на пятьсот коек, две электростанции и большое количество жилых домов. Вырублен городской сад, загажены и приведены в полную негодность Покровский собор и церковь Св. Богородицы. Полностью разрушены синагога и немецкая кирха.

Встречали наших солдат около ста порховичей, прятавшихся во время боев за город в подвалах. Когда к лету сорок четвертого в Порхов вернулись те, кто прятался в лесах и деревнях, то оказалось, что всех жителей города тысяча восемьсот пятьдесят человек. Это при том, что в тридцать девятом в Порхове проживало около тринадцати тысяч. Население района за годы войны и оккупации уменьшилось на двадцать пять тысяч четыреста человек, а общее число погибших на территории города и района превысило сто одну тысячу. На территории района оккупантами было сожжено триста тринадцать деревень. Двадцать из них сожгли вместе с жителями. Десять с половиной тысяч человек вывезли на работы в Германию. На фронт ушло четырнадцать тысяч восемьсот человек. Не вернулось пять тысяч триста шестьдесят.

В августе сорок четвертого Порхов вместе с районом приписали к Псковской области и с тех пор он из нее ни ногой. Стали восстанавливать разрушенное, сожженное и разоренное. Государство помогало, что и говорить. Выдало порховским колхозам шесть с лишним миллионов рублей, шестьдесят тысяч кубометров леса, более шести тысяч квадратных метров оконных стекол и почти двадцать восемь тонн гвоздей. Не даром, конечно, выдало. За все эти гвозди, стекла, лес и деньги нужно было отдавать хлеб, овощи, мясо и молоко. Прежде чем отдавать, нужно было вырастить, а прежде чем вырастить, поля разминировать, вспахать и засеять.

Газета «Порховская правда» 31 августа 1945 г.: «12 колхозниц вместе со скирдовальщиками Иваном Павловым и Иваном Семеновым скирдуют хлеба. Снопки к скирдам подносят вручную. В помощь им выделены 4 коровы, которые на подвозке снопов работают посменно. Всего на уборке занято десять коров, на них возят снопы к гумнам, отвозят зерно... На 4 лошадей подростки боронуют посевы. На четырех подводах увозят в город госпоставки продуктов».

На коровах еще и пахали, поскольку лошадей не хватало, а о тракторах можно было только мечтать. Часть тракторов успели эвакуировать в сорок первом, часть забрали немцы, часть в результате боевых действий... Короче говоря, вместо тракторов были коровы. В лучшем случае лошади. Порой и коров не было – впрягались женщины, поскольку мужчин было еще меньше,

чем тракторов. За плугом часто ходили подростки. «Порховская правда» в октябре сорок пятого писала: «На пахоту зяби в колхозе “Доброе дело” выделили постоянных две лошади. Пахари-подростки Орлов и Леша Яковлев в начале не обращали внимания на качество вспашки – пахали мелко. Этот существенный недостаток был своевременно устранен. Правление колхоза установило контроль за качеством вспашки. Сейчас зябь поднимают без нарушения агротехнических правил. Пахарь Леша Яковлев значительно перевыполняет норму...». К концу сороковых обзавелись тракторами, зерновыми комбайнами и другой сельскохозяйственной техникой. Ее стало втрое больше, чем перед войной.

Теперь о городе. Восстановили районную поликлинику и районную больницу. Провели водопровод. Построили промкомбинат и в пятьдесят четвертом году с помощью ленинградцев наладили производство простых и незатейливых громкоговорителей второго класса «Балтика» с одной лишь ручной регулировки громкости. Динамик помещался в фанерном корпусе, обклеенном шпоном, а лицевая панель была украшена пластмассовыми накладками, изображавшими адмиралтейство и ростральную колонну. Не бог весть какой дизайн, но тогда и такому были рады. Расходились эти радиоточки по всей стране. Благодаря громкоговорителю «Балтика» в Порхове появился релейный завод. Теперь-то он скорее мертв, чем жив – в двадцатом году всей его выручки было чуть более пятнадцать миллионов, а прибыль стремилась к нулю, но в семидесятые и восьмидесятые он был градообразующим предприятием, на котором работало больше двух тысяч человек – больше, чем на всех остальных предприятиях Порхова вместе взятых. Выпускали тогда схемные кабели и разные реле для гражданских и военных АТС, а в восьмидесятые освоили выпуск аварийной кнопки для автомобилей. Конечно, аварийная кнопка – это не автомобиль и даже не карбюратор, но ведь и Порхов не Детройт и даже не Тольятти. Где теперь те автомобили... О кнопках и говорить нечего. Релейный завод еще числится в списках промышленных предприятий Порхова, но работает на нем человек тридцать и производят они, если судить по официальной информации, малогабаритные поляризованные электромагнитные реле постоянного тока, а производят или нет...

Впрочем, все это еще будет, а пока вернемся в самый конец сороковых годов – в ноябрь сорок девятого. Двадцать седьмого ноября в Псковский обком партии поступило письмо от одного из «преданных членов ВКП(б)». В Псковском обкоме к тому времени обстановка была накалена до предела – первого секретаря обкома уже сняли с должности и арестовали по так называемому «ленинградскому делу». Аноним писал, что «руководство Порховского района превратилось в замкнутый бюрократический аппарат, оторванный от народа». Первый секретарь райкома Григорий Павлович Ермаков подбирает кадры «по принципу семейственности», в районе сложилась обстановка «чинопочитания, подхалимства и угодничества», а «от непригодных ему работников Ермаков избавляется путем выдвижения на работу в другие районы». Письмо, а вернее, донос, был подробным – в нем давались характеристики всем руководящим работникам района. Например, «Заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Пищиков А. И. – грубый невыдержанный подхалим, приближенный и доверенное лицо Ермакова. Своим хамским поведением и обращением с людьми вызвал неприязненное отношение к себе». У его жены – редактора районной газеты, родители купцы. У заведующего отделом агитации и пропаганды Румянцева тесть осужден по 58-й статье, жена инструктора Васильева жила в годы войны в Порхове и работала переводчиком военной комендатуры, у зав. сектором единого партбилета Рословой отец расстрелян партизанами, а муж ее, тем не менее, работает пропагандистом райкома. Председатель райисполкома Марковский отгородился от народа и ведет себя по-барски, а жена его жила на оккупированной территории, родственники ее расстреляны партизанами, но несмотря на это, она работает инспектором РОНО. Секретарь исполкома подхалим, заведующий отделом социального обеспечения враждебно настроен Советской власти, заведующие районным плановым и финансовыми отделами бывшие троцкисты. В районе «засорены кадры хозяйственных и других органов». Работниками суда командует прокурор Поляков и тот, если сказать правду, свинья. Уполномоченный министерства загото-

вок Потапкин не просто берет взятки, а собирает дань, директор пищекомбината – бывший урядник...

С одной стороны, этот донос напоминает письмо Хлестакова Тряпичкину, а с другой... Время на дворе стояло совсем не вегетарианское и смешного тут было очень и очень мало. Оргвыводы могли последовать такие, что мало не показалось бы никому из тех, кто руководил городом и районом.

Прошло два дня, и на имя нового первого секретаря Псковского обкома пришла еще одна анонимка, подписанная просто и незатейливо «Я – гражданин Советского Союза». Бдительный советский гражданин писал: «Руководство Порховского района Псковской области за небольшим исключением – это политические и уголовные бандиты, действующие под руководством секретаря райкома Ермакова. Они грабят трудящихся и государство, втоптали в грязь социалистическую законность и Советскую конституцию. Недозволенностью, угрозами и убийствами они терроризировали население, так что все боятся что-либо сказать. Районная парторганизация на 20% засорена враждебными и преступными элементами... Товарищ Шубин, как можно скорее сделайте детальную инспекторскую проверку в Порховском районе, спуститесь до рядовых коммунистов, до простых людей, и Вы вскроете тысячи фактов, подтверждающих то, что здесь дано в обобщенном виде. Есть в Порховском районе и честные люди, любящие Советскую власть. Вы их найдете... Должен Вам сказать, что если в других районах Советского Союза есть хоть частичка того, что творится в Порхове, то Советская власть находится в серьезной опасности».

На такое письмо не ответить было никак нельзя, и проверка, к которой подключилось МГБ, началась. Выяснилось, что заведующий финансовым отделом Рослов в тридцать седьмом был как «враг народа» арестован, получил десять лет лагерей, в сорок первом реабилитирован и восстановлен в партии. Заведующий плановым отделом Гладков в двадцать восьмом примкнул к троцкистам, но впоследствии от них отошел. В октябре тридцать пятого исключался из партии за скрытие социального происхождения. Выяснилось, что его отец и брат имели обувной магазин. Учительница средней школы Коробкова при немцах некоторое время работала чертежницей в отделе пропаганды, а отец ее бывший белый офицер и в настоящее время отбывает наказание.

Уже тридцатого декабря Порховский райком отчитался перед бюро Псковского обкома партии. Комиссия установила, что райком «неудовлетворительно руководит восстановлением и дальнейшим подъемом сельского хозяйства». Неудовлетворительное руководство включало в себя невыполнение планов по освоению посевных площадей, срыв поставок хлеба, картофеля и семян льна, падеж и разбазаривание скота, большую яловость маточного стада, разбазаривание трудодней и самовольный захват общественных земель. Выяснилось, что райком и райисполком допустили возрождение хуторского хозяйства – в районе после войны появилось двадцать восемь хуторских хозяйств и полсотни мелкодворных деревень, в которых имелось двести пятьдесят хозяйств. И это не все. Порховские районные власти сквозь пальцы смотрели на то, что в районе действует шесть церквей, две старообрядческие общины и секта евангелистов. Дошло до того, что в дни религиозных праздников в колхозах никто не работает по два-три дня. В районе проживает свыше шести тысяч репатриантов, то есть тех, кто после войны вернулся на родину после угона на работу в Германию. Дотошная комиссия подсчитала, что из этих шести тысяч больше тысячи тех, кто в годы войны находился на территории капиталистических стран. Прибавим сюда сто двадцать девять человек, побывавших в немецком плену... Комиссия не поленилась посчитать, какой процент репатриантов работает, к примеру, в совхозах или в районном узле связи. Все это называлось «засорением» трудовых коллективов.

Руководство райкома обвинили в «нарушении большевистских принципов в деле подбора и расстановки кадров», а первого секретаря Порховского райкома Ермакова в политической близорукости и в том, что он подбирал кадры «по признакам знакомства и приятельских отношений». Чем, спрашивается, как не политической близорукостью объяснить то, что секретарем райкома по кадрам работал человек, брат которого в годы оккупации работал старостой деревни?

Подтвердилось и то, что отчим и мать редактора «Порховской правды» Пищиковой в середине двадцатых годов торговали баранками⁵². Выяснилось, что заведующий отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов товарищ Пищиков построил каменный дом и деревянный хлев, а для строительства дома использовал лошадей редакции газеты «Порховская правда». Мало того – в личном пользовании у семьи Пищиковых обнаружилась корова, поросенок и несколько кур. Хорошо еще, что корове и курам не вменили то, что они проживали на оккупированной территории во время войны. Заведующий сельскохозяйственным отделом Мирошниченко к троцкистам не примыкал, из партии не исключался, а просто в ноябре сорок девятого года в стенах райисполкома организовал коллективную пьянку, на которую пошли государственные деньги руководимого им отдела.

К счастью, никого из руководящих сотрудников Порховского района не арестовали, но без оргмер, конечно, не обошлось. Первого секретаря Порховского райкома Ермакова сняли с должности. Редактора районной газеты уволили, председателю райисполкома Марковскому объявили строгий выговор по партийной линии и уволили за то, что его тесть работал землеустроителем в немецкой управе, а дядю жены расстреляли партизаны за работу в немецкой разведке. Уволили уполномоченного Министерства заготовок по Порховскому району Потапкина. Досталось даже начальнику районного отдела МГБ Филипову за то, что он плохо информировал райком об имеющемся компромате на руководителей. Впрочем, и сам товарищ Филиппов изо всех сил скрывал тот факт, что его брат в годы войны находился в плену у немцев.

Перед тем как всё или почти всё развалить в девяностых, за предшествующие сорок лет построили в Порхове сыродельный, асфальтобетонный и известковый заводы, разводили в районе голубых песцов, элитных рысаков, продавали их за несусветные по тем, да и по нашим временам деньги в Японию, в Финляндию, в Италию, не говоря о Советском Союзе, восстановили санатории «Хилово» и «Холомки», построили госпиталь для инвалидов войны, в центре Порхова новую двухэтажную школу, которую в десятых закрыли, открыли межобластную школу-интернат для детей с нарушениями речи, собирали по тридцать три центнера пшеницы с гектара, а в отдельных местах и по сорок семь, что для этих краев просто невиданно и неслыханно, создали народный театр, в котором ставили забытые теперь пьесы забытых советских авторов, добились суточного привеса в триста с лишним грамм на одну свинью...

«Псковская правда» тех лет время от времени писала о жизни Порхова и района невообразимо скучные, написанные суконным языком заметки. Несколько сообщений шестидесятых годов:

«В Порховском районе забывают собственный ценный опыт. В деревне Фролово в совхозе имени Чапаева построили коровник из глины и веток вереска, песка, негашеной извести. В нем тепло и сухо. Стоит уже несколько лет и ничего ему не сделается. В колхозе “Красная береза” построили свинарник из глинолита. В области этот опыт нашел полезное применение, а в Порховском районе... нет. Это косность. Передовой опыт – наше богатство. Забывать о нем – самое настоящее расточительство».

«Слесари Порховского районного отделения “Сельхозтехники” Смирнов и Пачуев разработали схему и подобрали комплекс машин для приготовления и раздачи диких кормов на свинофермах. Причем конструкция шнекового раздатчика разработана самими рационализаторами. Теперь все процессы по приготовлению кормов полностью механизированы. Это новшество внедрено на восьми свинофермах района. Механизатор совхоза “Полоное” этого же района Тихонов разработал конструкцию и изготовил на базе универсального трактора ДСШ-14 кормораздатчик для свиней в условиях лагерного содержания».

«Исполнилось пятнадцать лет с того дня, когда Агафья Дмитриевна Сачук переступила порог птицефермы “Полоное”. Старейшая птичница из года в год добивается высоких показателей. В бухгалтерии подсчитали: за время работы на ферме Сачук получила полтора миллиона яиц, вырастила десятки тысяч голов птицы. Только за прошлый год ею сдано государству 226 тысяч яиц. А нынче Агафья Дмитриевна уже получила в среднем от несушки более, чем по 120 яиц. Сейчас тов. Сачук ежедневно в общей сложности получает 700–750 яиц. Своим опытом Агафья

Дмитриевна делится с другими птичницами района. Дочь ее, Людмила, также трудится на птицеводческой ферме совхоза».

Письмо в редакцию от гражданки Бердюгиной Н.А.: «Хочу посоветовать пассажирам, которые осмелятся отправиться на автобусе из Порхова в Дно: одевайтесь потеплее! А лучше всего захватите с собой... печь. Автобус не отапливается, окна выбиты, даже на сиденьях снег». В шестьдесят седьмом «Псковская правда» сообщала, что в Порхове подстрелили окольцованную в Париже утку.

В семидесятых... то же самое, что и в шестидесятых: «...в Порхове наблюдаются свои загадочные явления: цветные лунки на льду и рыбы, выпрыгивающие из воды. Нет, это совсем не чудо света. Скорее наоборот. В реку здесь 4 раза в неделю сливает отходы городская баня, осенью прошлого года кто-то вылил пенку из цистерны пожарной машины, у маслосырзавода по соседству барахлит оборудование отстойника, а вершиной всего стала мастерская автоколонны, вокруг которой разлились радужные масляные пятна. Все это и послужило причиной появления фиолетовых, голубых, розовых лунок на льду. Лучше бы хозяева предприятий, окружающих Шелонь, предпочли естественную красоту реки этим разукрашенным лункам».

«На правом фланге. В конце минувшей недели в порховском колхозе “Заря” комсомольско-молодежное звено, возглавляемое кандидатом в члены КПСС Юрием Николаевым, досрочно завершило уборку озимых хлебов... С целью изучения опыта работы главный инженер хозяйства Петров направлен в дновский совхоз “Большевик”, комсомольская организация которого весной нынешнего года заключила договор на соревнование с комсомольцами “Зари”».

«Первой! в поле. В порховском колхозе “Заря” выведут сегодня в поле свои машины трактористы-комсомольцы В. Завьялов, В. Петров, Н. Алексеев. На их показатели равняются сегодня механизаторы колхоза. В хозяйстве полным ходом идет сев».

«Линейка юннатов. В Порхове состоялся традиционный слет юных друзей природы. Он начался традиционной линейкой юннатов. Были заслушаны доклады о деятельности юннатов и сообщения о результатах проводимых опытов. К этому дню была приурочена большая выставка достижений школьников. Отмечена работа производственных бригад Верхнемостской, Дубровенской и Павской школ».

Правда, последние три заметки из газеты «Молодой ленинец» – органа Псковского обкома ВЛКСМ, но различия совершенно никакой. Впрочем, в этой газете я нашел, может быть, самое интересное сообщение о жителях Порхова. В семьдесят четвертом году газета по заявкам жителей Псковской области напечатала слова песни Игоря Шаферана и Юрия Антонова «У берез и сосен тихо бродит осень». Среди тех, кто просил это сделать, были два жителя Порхова – Владимир Петров и Виктор Андреев.

Теперь в Порхове проживает семь тысяч триста человек, а в районе пятнадцать с половиной тысяч. Большая часть работоспособного населения уезжает на заработки в Петербург, Великий Новгород, Псков и, конечно, в Москву. Работают там вахтовым методом. У тех, кто остался, выбор не очень большой. Если честно, то совсем маленький. Можно продавцом в магазине, можно чиновником в городской или районной администрациях, но там все места заняты не только в партере, бельэтаже или на галерке, но даже и в проходах между рядами, можно попробовать устроиться в муниципальные предприятия вроде тепловых сетей, водоканала, музея или редакции районной газеты «Порховский вестник», можно учителем в школе... Крупных предприятий на город и район всего три.

В районе это совхоз «Шелонский» в деревне Полоное. Производит он отличную свиную тушенку с малым количеством жира. Продается она в Петербурге, Пскове и в Москве. На этикетке нарисованы три веселых поросенка. Поросят там растят в течение шести месяцев, а не трех, как это делают те, кто в погоне за прибылью пренебрегает качеством. Кормят исключительно натуральными кормами, а на первых порах даже поят молоком с соседней фермы. Молочных поросят в «Шелонском» выращивают до состояния сливочных. В городе два предприятия – Порховский известняковый комбинат, в просторечии называемый известковым заводом, и маслосырзавод.

Известковый завод, на котором работает около сотни человек, производит разные виды известняковой муки для подкормки сельскохозяйственных животных и птицы, а также минеральный порошок, используемый в качестве наполнителя асфальтобетонных смесей, резиновых технических изделий и мастик. Говорят, что работать ему еще года два, не больше, потому что сырье, которое привозят из Порховского района, на исходе. Можно, однако, надеяться, что сырье привезут из какого-нибудь другого места. Слава богу, известняк не алмазы – его у нас и в Псковской области много.

На маслосырзаводе делают, как следует из его названия, масло и сыр. Просто сливочное масло, крестьянское сливочное масло, кисло-сливочное, традиционное, соленое... всего девять сортов. Сыр производят всего один – «Аланталь», но разновидностей его множество. Плавленный копченый с грибами, с беконом, с богатым сливочным вкусом и нежным ароматом натурального копчения на оливковой стружке, пять сортов твердого с оттенками вяленых фруктов и фундука, нотками ореха и вяленой груши, сыр для вина – с пикантной кислинкой, переходящей в длительное орехово-сливочное послевкусие... Сам я не видел, но местные жители меня уверяли, что за порховским сыром приезжают из Петербурга, из Пскова, из Новгорода... короче говоря, из всех городов, куда порховичи уезжают работать.

Есть еще цех деревообработки – проще говоря, пилорама, но это предприятие маленькое, хотя и в масштабах Порхова довольно крупное. По официальным данным, взятым из доклада главы Порховского муниципального района за двадцать первый год «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций составила тридцать одну с половиной тысячи рублей», а по словам местных жителей никак не больше пятнадцати. Если, конечно, повезет найти такую работу. По официальным данным, «доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения» в 2021 году составила 63,9%, и на ближайшие три года планируется снижение данного показателя до 62%, а по неофициальным и не всегда цензурным словам местных жителей...

Почти на всех фотографиях, привезенных мной из Порхова, есть или собаки, или кошки, или те и другие вместе. Все потому, что они в провинции не бегают как угорелые, а всегда не торопясь идут по своим делам. Даже если этих дел и нет вовсе. В кадр с двумя старухами, идущими по берегу Шелони, пролез толстый рыжий кот, хотя с его точки зрения пролезли, конечно, старухи. Одна из них была с клюкой и в медицинской маске, сдвинутой на подбородок, а другая, скрюченная как вопросительный знак, с сумкой на колесиках. Та, которая с клюкой, говорила:

– У меня давление сто семьдесят на восемьдесят. У вас бывает давление? Вам капотен помогает?

– У меня все бывает, – отвечала ей та, которая как вопросительный знак. – Я квитанции за квартиру никогда не читаю. Я в них ничего понять не могу. Смотрю, какая цифра в графе к оплате, и все. Мне внук пытался объяснить, но... Только довела его до белого каления.

– И эти кабачки, – бормотала первая старуха. – Житья от них нет. Растут даже там, где их не сажают. У них толстая кожа как кора. Нет сил ее срезать. Суставы болят. Особенно к дождю руки просто выворачивает, а они растут и растут...

– Кто растет? Руки?! – скинула старуха с сумкой на колесиках.

– Кабачки, – подсажал кот и исчез в кустах бузины, разросшихся под стеной старой крепости.

Примечания

⁴²Так или иначе, а летом двадцать первого года памятник Карлу Марксу был установлен. Вот как его описывает В.Ф. Ходасевич в очерке «Поездка в Порхов»: «Вскоре я очутился на главной площади, посреди которой, если мне память не изменяет, росло несколько деревьев. На фоне их высился монумент, которому подобного я еще не видывал, хотя видел памятник Гейне в Москве,

в Нарышкинском сквере, и памятник Володарскому в Петербурге. Он был исполнен в кубистическом и футуристическом духе – пожалуй, не без влияния знаменитого татлинского памятника революции. Основанием ему служил белый куб вышиной примерно по грудь взрослому человеку. На этом кубе высился другой, поставленный как-то наискосок и поменьше величиной. На самом верху, опять же асимметрически, торчала маленькая четырехгранная пирамида с усеченной вершиной. Все, в общем, было похоже на пасху, которую уронили, сломали и составили вновь, но плохо. Сооружение было вышиной сажени в полторы, то есть не “выше пирамид”. Подойдя ближе, я обнаружил, что и материал его не “прочнее меди”. Попросту говоря, состоял он из деревянного каркаса, на который был натянута холста, выкрашенная клеевой краской. С одной стороны, холст уже был оторван и позволял заглянуть внутрь. Мне вспомнился стих Державина:

На стог поставлен, на позор,
Кумир безумну чернь прельщает;
Но чей в него проникнет взор –
Кроме пустот не ощущает.

Впрочем, мой взор и мое обоняние ощущали в памятнике еще нечто, “кроме пустот”, но что именно – да пребудет тайной сего монумента. Никакой надписи не было на его “цоколе”, но, обходя вокруг памятника, подобно тому, как бедный Евгений обходил вокруг Медного Всадника, я обнаружил, кому он воздвигнут. В верхней его пирамидке была устроена маленькая ниша – точно кто ложкой отколунил кусок пасхи. В нише стояла деревянная рамочка с фотографией Карла Маркса, уже полинялой и размокшей от дождей. Внизу, у подножия, валялся засохший букет полевых цветов, перевязанный куском красного кумача...».

⁴³Тема обмена вещей на продукты была животрепещущей. Читаем у Ходасевича: «Советских денег деревенское население не принимало. Будучи об этом заранее осведомлены, колонисты привезли с собой предметы для товарообмена: скатерти, из которых шились портки и рубахи, салфетки, которыми бабы повязывали головы, а также мыло, одеколон, румяна и пудру. За скатерть можно было получить двухмесячный абонемент на молоко, за кусок мыла – курицу и десяток яиц, за бутылку одеколону – мешок муки. В ход пошли и одежды: покойный поэт Пяст, друг Блока, при мне выменял свои знаменитые на весь Петербург клетчатые штаны на два пуда муки. В общем, мы стали недурными торговцами. На бывшей стеклянной веранде, превращенной в универсальный магазин, по целым дням толклись мужики и бабы. Питались мы очень недурно. Кто-то выменял граммофон на барана». У Милашевского: «Вспоминается смешной случай с Осипом Мандельштамом. Он привез из Петрограда двенадцать женских головных платков желтого цвета и два отреза полубумажной материи для брюк в мелкую клетку. Товар успеха не имел, напрасно Осип Эмильевич уверял псковитянок: “Посмотрите же, это очень красивые платки и прекрасного цвета!” Ничего не действовало, брать платки и обменивать на простой продукт, хлеб, сало землячки Пушкина отказывались: “Да что вы! Засмеют все!” Желтый цвет был нелюбимым цветом, и ни в каких “руководствах” по русскому народу это сведение зарегистрировано не было. Поэт Осип Мандельштам был жертвой этой неосведомленности. Та же неудача постигла и у парней. Все парни мечтали носить брюки такие же, какие носил Добужинский, то есть в тонкую полоску, а клетка была для них непредвиденной неожиданностью. Обменивать на сало они отказались...».

⁴⁴Из песни слов не выкинешь и потому приведем отрывок из воспоминаний Ходасевича на эту же тему: «Наконец поймал я на улице рыжего мужика, который, кобеньясь, согласился выручить меня за катушку ниток – цена непомерная по тому времени, но торговаться не приходилось. Он запряг лошадь, и мы отправились на базар, где я должен был с ним рассчитаться. Дорогою мы беседовали. В этот голодный год урожай в Псковской и Петербургской губерниях случился в несколько раз выше обыкновенного, и они стали чуть не «житницами России». Мой спутник был этим до чрезвычайности горд.

– А вот на Волге-то народ мрет с голоду. Слышал? – спросил я.

Рыжий весь просиял широчайшей улыбкой.

– Как не слышать! – сказал он нараспев. – Намедни к нам приезжал большевик, рассказывал. Говорит – привезем мы на зиму ребят с Волги, а вы их разберите по избам. Двести ребят на уезд.

– Ну, что ж вы?

– А что мы? Мы говорим – нам ребят не надо, а коли привезете, мы их всех перережем, кому который достанется».

⁴⁵Вот еще два примера подобных газетных публикаций. В печатном органе рабочих и служащих Псковского и Порховского кожевенных заводов с удивительным названием «Мысль кожевника» в тридцатом году напечатана заметка без подписи: «По списку лишенцев под №30 числится бывший торговец Николай Петров, который взят на работу на склад готового товара, но тут он уже не Петров Николай, а Евстафьев Николай. Заводуправлению и местному надо обратить внимание и гнать в шею лишенца с производства». В газете «Псковский пахарь» в августе двадцать девятого года читаем: «В Порховском районе есть образцовая коммуна “Завет Ильича”. Казалось бы, удобнее было члену партии тов. Птичкину вступить в члены этой коммуны. Но он вместо коммуны выехал на хутор и поселился в одной версте от коммуны». Подписано двумя буквами: «Яд». Как тут не вспомнить: «Мы без конца проклинали товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?»

⁴⁶Порховский райисполком в январе двадцать девятого года постановил монастырские башенные часы весом сорок пудов передать в распоряжение окружного исполкома, а колокола продать в лом. В апреле газета «Псковский набат» писала: «Бывший Никандровский монастырь Порховского района предназначен на снос. В Псков доставлены на днях снятые с монастырской колокольни башенные часы с колоколами, играющими “Коль славен”... Устройство часов позволяет религиозную музыку заменить “Интернационалом”. Часы могли бы служить для Пскова ценным украшением». Они и послужили – на крыше Дома Советов была сооружена специальная башня, где в августе тридцатого года артели «Труд» были установлены часы-куранты, вывезенные из Никандровой пустыни. Монастырские постройки разобрали на кирпич, и от них остались лишь руины. Окончательно все разрушилось в годы войны, однако и после войны к этим местам стекались паломники. Советская власть боролась с ними, вела атеистическую пропаганду, строго предупреждала местных сельских батюшек, а в начале шестидесятых годов по псковскому радио даже организовала разоблачительную передачу «Очевидцы о Никандровой пустыни», но успеха не достигла. Что касается монастырских часов на псковском Доме Советов, то сносу им нет, и они до сих пор ходят, хотя Дом Советов давно уже так и не называется.

⁴⁷В двадцать восьмом году столяр льноводческого совхоза «Полоное» Павел Петрович Гельштейн сконструировал машину для очеса семенных коробочек льна*. Работала она и от двигателя, и даже от конного привода. Этой машиной был обработан весь урожай совхозного льна, собранный с площади в сорок три гектара. После такого успеха слухи о чудо-машине дошли до столицы, и в совхоз приехал профессор из Московской научной станции лубяных волокон, который дал заключение о том, что машина Гельштейна в три раза производительнее немецкой и дешевле ее в десять раз. За немецкую машину приходилось платить от пяти до шести тысяч рублей валютой, а машина Гельштейна обходилась в производстве от пятисот до шестисот советских рублей. Отечественную машину обслуживали три человека, а немецкую полтора десятка.

Испытали машину и во второй раз, но уже во Ржеве, при участии инженера Всесоюзного института сельскохозяйственной механизации. Снова успех. Комиссия признала машину годной для серийного производства. Разместили заказ на псковском заводе «Металлист» и приступили к работе. Сам Гельштейн ушел из совхоза и перешел работать на завод. К июлю тридцатого года была готова первая машина. Тут бы и радоваться, но... оказалось, что в процессе производства псковские специалисты умельцы конструкцию упростили, часть ненужных, с их точки зрения, узлов выбросили, там, где необходимы были подшипники, обошлись без них, вместо восьми роликов поставили четыре и... полученные совхозом «Полоное» четыре машины вышли из строя в первый же день работы. Собственно, работать они так и не начали. К этому моменту «Металлист»

уже успел произвести тридцать семь неисправных машин. Гельштейн, как оказалось, протестовал против внесения изменений в конструкцию, но рабочего-столяра заводские инженеры не очень-то и слушали.

Времена были, мягко говоря, непростые. В газете «Псковский колхозник» вышла статья с заголовком «Требуем прекратить саботаж изобретения тов. Гельштейна!». Саботажник – это совсем не то, что плохой инженер. От саботажника до вредителя рукой подать. Саботажниками занялась областная контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции, и через год группа инженеров «Металлиста» оказалась на скамье подсудимых. Обвиняемые пытались доказать суду, что завод был не готов к серийному производству, что ряд деталей на заводе просто невозможно изготовить, и потому были внесены изменения в конструкцию. По совести говоря, в их словах если и не вся правда, то часть правды была, но их доводы Ленинградский областной суд во внимание не принял. Три инженера, ответственных за производство машины Гельштейна получили по году исправительных работ, а мастер, который их собирал – три месяца. Всем четверым предстояло еще и возместить убытки, понесенные заводом.

Суд закончился, а производство машин так и не наладилось. Организовали ночные смены, перебросили рабочих с других предприятий, снизили производство плугов, льнотрепалок, поменяли директора, но и новый оказался не способен исправить ситуацию, а только жаловался на отсутствие станков и устаревшее оборудование. Уволили и нового директора. «Псковский колхозник» по этому поводу писал: «оппортунистов убрали с завода». Только к концу августа тридцать первого года производство работающих машин Гельштейна было с трудом налажено**.

Павел Петрович Гельштейн на машине для очесывания головок льна не остановился. В тридцать втором году он разработал льнокомбайн. В тридцать четвертом его перевели на должность механика-конструктора во Всесоюзный научно-исследовательский институт льна, через два года наградили орденом Трудового Красного Знамени, а через полгода он скорострительно скончался.

*Нельзя не упомянуть администрацию совхоза, которая занятий Павла Петровича не одобряла и скрепя свое бюрократическое сердце предоставляла ему время для работы над машиной. Директор совхоза и вовсе хотел, чтобы доводку конструкции машины осуществляли инженеры, а не сам изобретатель.

**«Псковский колхозник» глаз не спускал с производства на заводе «Металлист», вникая в мельчайшие подробности процесса. В ноябре тридцать первого года в заметке «Прекратить головотяпство» рабкор газеты писал: «Втулка малых дисков барабана машины Гельштейна до сих пор растачивается на 34 миллиметра, в то время, как имеющиеся в наличии валы (а их минимум 500 – больше чем месячный запас) обточены под втулку в 31 миллиметра. Под этот же размер точатся валы и сейчас, ибо на складе нет железа соответствующего размера, которое могло бы быть обработано под втулку в 34 миллиметра... Интересно знать, что думает хозруководство механического цеха о такой “согласованности”».

⁴⁸Когда строили в тридцать шестом кирпичные казармы, то часть кирпичей взяли из руин упраздненной Никандровой пустыни. В сорок седьмом казармы разобрали и кирпичи использовали на строительстве жилых домов в Порхове. Не было покоя этим кирпичам...

⁴⁹После войны на месте кладбища военнопленных был поставлен небольшой деревянный обелиск. В шестидесятом году порховские школьники дорогу к месту бывшего концлагеря от шоссе Порхов – Дно обсадили елями. Установили каменный четырехметровый обелиск. Прошло еще двадцать лет и было решено поставить здесь мемориальный комплекс. В восемьдесят третьем году грейдерами заровняли могильные рвы, насыпали искусственный холм, на котором установили тридцатиметровые пилоны памятника, выкопали пруд, названный «Озером слез», и... деньги кончились. Вслед за ними кончился Советский Союз. Строительная площадка стала приходиться в запустение, зарастать деревьями, а «Озеро слез» – камышом, и местные жители повадились в нем мыть машины. Все же к одиннадцатому году порховские власти не без помощи благотворителей поставили памятник-часовню и поклонный крест, а в пятнадцатом году по ини-

циативе псковских дорожников, при поддержке Федерального дорожного агентства и организованного по такому случаю благотворительного фонда, который составил, главным образом, из пожертвованных граждан, строительство завершили. Когда идет дождь, стальная арматура, расположенная внутри трех огромных стел, ржавеет, и кроваво-красные ручейки, просачиваясь сквозь бетон, текут по поверхности памятника.

⁵⁰Отравившийся аконитом человек до последней минуты находится в сознании. Остановки сердца происходят с периодичностью в две или три минуты. Отравление сопровождается обильное слюнотечение, слезотечение, тошнота, рвота, диарея, судороги и головная боль. Агония длится от двух до четырех часов.

⁵¹После войны Константин Александрович Чехович возвратился вместе с женой и сыном к себе домой, в Одессу, работал заместителем председателя одного из райисполкомов, секретарем райкома, начальником цеха Одесского механического завода, директором дрожжевого завода, но награда еще очень долго не находила героя. Сразу же после взрыва командование седьмой партизанской бригады, в которой он воевал, представило его к званию Героя Советского Союза. Героя не дали. Стали говорить, что такую диверсию один человек не смог бы устроить, что наверняка у него были помощники, что в подготовке взрыва участвовала не седьмая, а четвертая партизанская бригада и вообще... Чехович был в плену. То ли день, то ли две недели, но был, а раз был в плену, то и говорить о наградах не приходится. Какие, спрашивается, награды, когда Василеостровское районное МГБ завело дело в отношении Константина Чеховича, целью которого было выяснить – не является ли он немецким агентом. К счастью, дело закрыли и Чеховичу все же дали орден Отечественной войны II степени. Правда, спустя много лет. Через семьдесят лет, в две тысячи тринадцатом году, в Порхове, на восстановленном после войны доме бывшего городского головы купца Зацкого установили памятную мраморную табличку, на открытие которой пригласили дочь и внуку Чеховича. Еще и записали Константина Александровича в почетные граждане Порхова. Правда, его к тому времени в живых уже не было – он умер за шестнадцать лет до этого события.

⁵²Редактор районной газеты Варвара Александровна Пищикова, как и другие руководящие сотрудники города и района, написала объяснительную записку в обком партии: «Родилась в 1908 г. в Порхове, в 1911 г. отец умер, мать в 1914 г. вышла вторично замуж за пекаря, работавшего по найму. С 1917 г. отчим занимался земледелием, в 1922–24 гг. – кустарничеством: с матерью выпекали крендели и продавали на базаре с лотка. Муку покупали у местных торговцев. Собственности никакой не имели. С организацией в Порхове центрального рабочего кооператива отчим поступил туда пекарем и работал до 1941 г. В период оккупации родители жили в Порхове, у немцев не работали, сегодня им за 70 лет. При вступлении в партию ничего не скрывала. Скрывать о торговле родителей в годы НЭПа мне было нечего. Дом собственный есть, выстроен из кирпича. Строили мы его два года (1945–1946), вынуждены были строить, т. к. жить было негде. Трое детей и старики жили 11 месяцев в деревне в 20 км от города, мы с мужем ютились в 6-метровой комнатухе. Брали на постройку ссуду, кирпич райисполком отпустил мужу бесплатно, как демобилизованному и инвалиду 2-й группы... Старики живут в доме в отдельной комнате, у них есть одна небольшая икона – переубедить я их не могу. Есть корова, восемь кур, две утки». Икона есть, но всего одна и небольшая... Куда меньше, чем корова, восемь кур и две утки.

Библиография

- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. – 565 с.
- Е.Е. Лебедев. Порхов и его окрестности. Исторический очерк. Новгород: Губернская типография, 1915. – 104 с.
- П. Силин Археологические заметки о городе Порхове. Псковские губернские ведомости № 17. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1872 // Порхов и его уезд. Сборник дореволюционных публикаций. Сост. и авт. вступ. ст. Н.Ф. Левин. Псков, 2005. С.59–64.
- А. Анисимов Псковские губернские ведомости № 3–6. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1873 // Порхов и его уезд... С. 65–91.

А. Медведев Топографическое описание города Порхова. «Бабочка. Дневник новостей», 1829 г., № 71 // Порхов и его уезд... С. 45–58.

М.П. Нармонтас. Тень бересты: упоминания о Порхове и округе в Новгородских берестяных грамотах (XI–XIV вв.) // Краеведческие чтения. Материалы XII научной конференции, 16–17 сентября 2011 г. Составители Н.Н. Степанова, Н.А. Исакова, М.П. Нармонтас. Порхов, 2013. С. 99–107.

В.В. Косточкин. Древние русские крепости. М.: Наука, 1964.

И.О. Колосова, А.В. Михайлов. Город Порхов и Ганза. К вопросу о принятии Порхова в международный Ганзейский Союз Нового времени // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции 25–26 сентября 2015 г. Псков, 2016. С. 58–60.

Полное собрание русских летописей. Том 8. Издание 2-е. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. – 312 с., разд. паг. (IX, 302 с.). Репринтное воспроизведение издания 1859 г.

М.Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962. – 584 с.

А.Н. Кирпичников. Новаторские элементы в устройстве Порховской крепости // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции 25–26 сентября 2015 г. Псков, 2016. С. 8–11.

А.Е. Крылов. Край между Псковом и Новгородом. Псков, 2013. – 543 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 149.

А.М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Часть I, Москва, 1914. – 646 с.

Новгородские писцовые книги. Т.4 Переписные оброчные книги Шелонской пятины. I. 1498 г. II. 1539 г. III. 1552–1553 гг. СПб, 1886. – 300 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. Санкт-Петербург, 1836. С. 187–188.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. 1598–1613. Санкт-Петербург, 1836. С. 227.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 3 Санкт-Петербург, 1848. С. 121–122.

Станислав Пиотровский. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова): с двумя рисунками / издание Псковского Археологического Общества; перевод с польского действительного члена Псковского Археологического Общества О.Н. Милевского. Псков, 1882.

З.А. Лурье, С.С. Смирнова, А.И. Филюшкин К вопросу о месте проведения переговоров о перемирии России и Речи Посполитой в 1581–1582 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2 (10). С. 173–200

Я.Н. Рабинович. Порхов в Смутное время. Саратов, 2013. – 128 с.

Я.Н. Рабинович. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков: Обл. тип., 2014. – 256 с.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб., 1867–1916. Т. 24: Отчет Нидерландских посланников Рейноута фон Бредороде, Дидериха Басса и Альберта Иоахима об их посольстве в Швецию и Россию (годы 1615 и 1616). Сообщено из нидерландского государственного архива. СПб, 1878. – XXV, 586 с.

Донесение священников, старост и волостных людей Новгородских погостов к графу Якову Деллагарди // Сохранение русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Деллагарди. Юрьев, 1896. С. 37–40.

К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 57

М.Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года: из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1935. – 203 с.

А.В. Юрасов. Внешняя торговля Пскова в XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва, 1998. – 296 с.

Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2 / введение Н. Чулкова. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – IX, 555 с.

О.А. Алексеева. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в.: 1725–1800 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Псков, 2009. – 365 с.

Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород. Сборник Русского исторического общества. Том первый. СПб, 1876.

Н.В. Коломыцева. Екатерина II и Порховский уезд // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки: Материалы научной конференции. Псков, 2003. – С.26–35.

С.В. Моисеев. Порхов XVIII века по документам Государственного исторического архива Новгородской области // Краеведческие чтения. Порхов – Холомки: Материалы научной конференции. Псков, 2006. С.137–157.

С.В. Моисеев. Болчинское следствие 1723 г. // Краеведческие чтения. Материалы XII научной конференции 16–17 сентября 2011 г. Порхов, 2013. С.127–131.

Л.Н. Макеенко. Порховский уезд – основной поставщик зерна на псковский рынок // Краеведческие чтения.

Порхов – Холмки. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию Порховского музея. (г. Порхов, июнь 1999 г. Псков, 2001. С. 33–36.

С.Н. Иконников Столетие Порховского уездного училища с 22 сентября 1790 г. по 22 сентября 1890 г. Псков, 1891. С. 28.

В.М. Севергин. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1802-1803 гг. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803-1804: Ч. 2. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства или Минералогические, Технологические и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1803 году, Академиком, Коллежским Советником и Ордена св. Анны второго класса Кавалером Васильем Севергиным. С. 57–60.

К.К. Случевский. По Северо-Западу России. т. 2. По Западу России: с картою Западного края, отпечатанною в 6 красок и 159 рисунками – [4], 610, XII с., [1] л. карт.: ил. С.-Петербург, 1897.

Л.Н. Макеенко. Псковичи – участники Отечественной войны 1812 г. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2012. № 36. С.3–9.

К.Б. Жучков. Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г. (по новым архивным данным) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2015. №42. С. 173–200.

Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 гг.: (Арх. Справка). Псков, 1912. С. 68.

То был век богатырей! Псковичи – участники войны 1812 года: библиографические материалы / ГБУК Псковская областная универсальная научная библиотека. 2-е изд., доп. – Псков, 2012. – 136 с.: портр.

Г. М. Дейч, Г. Фрилендер. Пушкин и крестьянские волнения 1826 года // [Электронный ресурс]: URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/158/158-195-.htm>

В.А. Кошельков. Крестьянские волнения в Псковской губернии в 1820-е гг. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2021. № 54. С. 152–155.

О.Н. Сандалюк. «Описание уездных городов, почтовых станций, дорог...». Опыт историко-литературного комментария // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1998. № 9. С. 164–170.

Н.Ф. Левин, А.А. Шумков Коммерции советник Василий Жуков // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 31. С. 100–113.

Ю.Н. Узенева Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX века: дис. канд. ист. наук. Псков, 2015. С. 204.

Е.Б. Левенштейн. Воспоминания о Порхове // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. № 43. С. 209–215.

Б. Богданов. Порхов в первой четверти XX века // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 41. С.219–245.

И.И. Лагунин. Холмки в истории русской литературы. Краеведческие чтения Порхов – Холмки. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию Порховского музея (г. Порхов, июнь 1999 г.). Псков, 2001. С. 103–108.

М.В. Васильев. Крестьяне Порховского уезда в годы испытаний. 1917–1919 гг. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 32. С. 190–197.

И.Я. Панченко. Порхов. Ленинград, 1979. – 110 с.

М.В. Васильев. Внутренний фронт Гражданской войны на Северо-западе России. 1918–1920 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2012/06/1343>

М.Т. Маркова. Крестьянские восстания в Порховском уезде в 1918–1919 годах. С. 149–156 // Краеведческие чтения Порхов – Холмки. Материалы научной конференции 21–23 сентября 2001 г. Псков, 2002. – 159 с.

О.А. Кудряшева. Из истории Порховского музея (1918–1941 гг.) С. 9–17 // Краеведческие чтения Порхов – Холмки. Материалы юбилейных конференций. Псков, 2001. – 160 с.

Г.В. Проскураева. Порховская старина. Порхов 20-х годов // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2000. № 13. С. 11–22.

Отчет Псковского Губернского Экономического совещания. Выпуск IV, с 1-го октября по 1-е апреля 1923 г. Псков, 1923. С. 128.

А.В. Филимонов. Из истории Никандровой пустыни (послереволюционный период) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2016. № 45. С. 144–164.

А.В. Филимонов. История с «машиной Гельштейна» // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2021. № 54. С. 165–171.

Псковские комсомольцы, ответьте // Юный пахарь. 1924. 25 дек. С. 2.

Заведующий в церкви торгует свечами, а на мельнице все идет прахом // Псковский набат. 1923. 13 июня. № 129. С.4.

- Нажим на мельников-кулаков // Псковский набат. 1930. 7 января. № 5. С. 6.
- Кулацкая месь // Псковский набат. 1930. 14 января. № 11. С. 6.
- Выбросить иконы // Псковский набат. 1930. 11 января. № 9.
- В районах // Псковский набат. 1930. 4 февраля. № 28. С. 4.
- По заметкам «Набата» // Псковский набат. 1930. 15 января. № 12. С. 6.
- Усиленно бьем тревогу! // Псковский набат. 1930. 25 февраля. № 46. С. 4.
- Поп-вредитель // Псковский набат. 1930. 12 января. № 10.
- Прекратить головоутипство // Псковский колхозник. 1931. 19 ноября. № 240. С. 4
- Резолюции Порховской 9-й районной партконференции (3–5 янв. 1934 г.). Порхов, 1934. С. 16.
- Лишенец устроился // Мысль кожевника. 1930. 25 марта. № 8. С. 4.
- Рядом с коммуной коммунист Птичкин строит хуторное хозяйство // Псковский пахарь. 1929. 17 августа. № 65. С. 6.
- Г.А. Халемский Неизвестные страницы истории Порхова в архивах Санкт-Петербурга // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XIV научной конференции 25-26 сентября 2015 г. Псков, 2016. С. 66–76.
- Еще один театр // За Родину. Псков, 1942. 30 декабря. № 94. С. 4.
- Новый дом культуры // За Родину. Псков, 1943. 18 апреля. № 91. С. 6.
- Сожженные деревни России, 1941–1944: Документы и материалы. Сост. Л.Д. Жуковская и др. М., 2017. – 608 с.
- Попечительство о беженцах // За Родину. Псков, 1943. 12 июля. № 159. С. 4.
- Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX–XX вв.). Учебное пособие. Псков, 2000. – 628 с.
- Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в двух томах под ред. К.П. Горшенина. Издание третье, исправленное и дополненное. М., 1955.
- А.В. Филимонов. «Ленинградское дело» и Порховский район (1949-1950 гг.) // Краеведческие чтения. Порхов: материалы XII научной конференции, 16-17 сентября 2011 г. Псков, 2013. С. 65–77.
- Это расточительство // Псковская правда. 1961. 20 декабря. № 246. С. 4.
- Пятнадцать лет на птицеферме // Псковская правда. 1961. 15 декабря. № 293. С. 4.
- Дорогу сельским новаторам! // Псковская правда. 1962. 26 декабря. № 301. С. 4.
- Линейка юннатов // Молодой ленинец. 1970. 10 октября. № 122. С. 4.
- На правом фланге // Молодой ленинец. 1974. 10 сентября. № 110. С. 4.
- Песня по заявке // Молодой ленинец. 1974. 3 августа. № 94. С. 4.
- Первомай в поле // Молодой ленинец. 1974. 1 мая. № 55. С. 4.